

Майя Рид

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Копючка ВЛТ КУМИРА

Майя Рид

Колючка для кумира

<https://litres.ru/74419208>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Раз уж я спас твой проект от провала, самое меньшее, что ты можешь сделать — сходить выпить со мной кофе. В знак благодарности.

Я развернулась, на моём лице играла снисходительная усмешка.

— Кофе? — сделала вид, что задумалась. — Ну, знаешь... У меня довольно высокие стандарты. И твой текущий рейтинг, если честно, пока не дотягивает до уровня, на котором я трачу своё свободное время на совместные посиделки.

Его брови поползли вверх. Кажется, его впервые в жизни так отшили.

— Рейтинг? — он фыркнул, но в его глазах вспыхнул азарт. — И что же мне нужно сделать, чтобы его повысить? Спасти ещё пару-тройку твоих проектов?

— О, нет. — я посмотрела на него с вызовом. — Для выхода на уровень «кофе» тебе придётся проявить куда больше изобретательности. И оригинальности. А пока... — я пожала плечами, разворачиваясь к выходу, — твои баллы где-то в районе

«надоедливый, но иногда полезный комар». Попробуй как-нибудь в другой раз. Если придумаешь что-то действительно стоящее.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3	19
Глава 4.	25
Глава 5.	30
Глава 6.	35
Глава 7.	41
Глава 8.	47
Глава 9.	53
Глава 10.	58
Глава 11.	63
Глава 12.	70
Глава 13.	77
Глава 14.	82
Глава 15.	88
Глава 16.	93
Глава 17.	102
Глава 18.	107
Глава	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Колючка для кумира

Глава 1.

Меня зовут Яна.

Всё, что тебе нужно знать на ближайший час: бабушка – царство ей небесное – умерла, родителям, как выяснилось, глубоко похер на свою единственную дочь, а тетя – ну, та самая, что почти мама, только с деньгами, айфоном последней модели и квартирой в районе, где у швейцаров золотые погоны. Часть этих денег она и вбухала в мой перевод на четвертый курс в этот пафосный московский универ для золотых деток, мажоров и прочих инопланетян, чьи папы покупают острова, а не шаурму в три часа ночи.

С самого утра все пошло по...одному причинному месту. Будильник на телефоне сдох, воду в доме отключили «на плановые работы», а кофе, моя последняя отдушина, гордо закончился, оставив на дне банки лишь горстку коричневой пыли.

Классика моего жизненного сценария. Чувствовала нутром – день будет тот ещё, полный сюрпризов и разочарований. Но тетя вложились по полной, отстояла меня с моим-то провинциальным дипломом, так что, стиснув зубы и натянув эту дурацкую новую блузку «белее белого», я поплелась на свою гибель. На первое в жизни паршивое занятие в новом

зверинце.

Коридоры здесь были не просто коридорами, а просторными артериями из стекла и бетона, где пахло деньгами и дорогим парфюмом. Неслась, уже опаздывая, свернула за угол, думая срезать путь, и – бац. Врезалась во что-то твёрдое, тёплое и неумолимое. По моей белоснежной, кричащей о том, что я «не своя» блузке, разлилось что-то горячее, тёмное и с характером.

— Ай! Блять! – вырвалось у меня шипением, пока я пыталась отлепить ткань от кожи. Адски горячо. И лифчик, чёрт побери, теперь мокрый, и всё, что под ним, проступало с отвратительной чёткостью. Просто идеальное продолжение дня.

— Бля, прости.

Голос был низкий, без тени паники. Поднимаю голову. И замираю.

Передо мной стоял он. Высокий, под метр девяносто, весь в чёрном. Чёрные узкие джинсы, чёрная хлопковая футболка со странной эмблемой и стилизованным вороном на ней, и чёрная, расстёгнутая кожаная куртка. Волосы тоже угольно-чёрные, чуть длиннее, чем принято у «правильных» мальчиков, и они небрежно падали на лоб.

А лицо... Черты были до невозможности правильные, будто выточенные каким-то древнегреческим скульптором: высокий лоб, прямой нос, сильный подбородок.

Настоящий, мать его, Аполлон. Но Аполлон, сбежавший

из мрачного царства Аида. Его глаза, такие тёмные, что зрачок почти сливался с радужкой, были карими, почти чёрными, и в них плескалась наглая, хищная усмешка. А на шее, с левой стороны, из-под линии футболки выползло тёмное тату – сложный, геометрический узор, похожий на шипы или осколки.

И, несмотря на формальное «прости», он смотрел мне не в глаза. Его взгляд скользил по моей груди, которую мокрая ткань выставляла на всеобщее обозрение, с таким видом, будто оценивал выставленный в витрине товар.

Жар от стыда и злости ударил мне в лицо. Я расправила плечи, закинула назад свои длинные, тёмные волосы и впилась в него своими, тетей названными «бесовскими», зелёными глазами.

— Понравилось? – держу паузу, давая ему прочувствовать всю кислотность тона. – Можешь сделать фото на память. Скидка для студентов – всего тысячу рублей.

Его губы дрогнули, а затем он рассмеялся. Не просто ухмыльнулся, а залился низким, искренним смехом, от которого по моей спине пробежали мурашки.

— Дорого берёшь, – заметил он, и его рука, быстрая и цепкая, схватила меня за запястье.

— Пошли.

— Куда это? – попыталась вырваться.

Мои пальцы скользнули по его коже. Бесполезно. Он был намного сильнее. Его хватка была как стальные тиски. Он

просто потащил меня за собой, как куклу, к какой-то не приметной серой двери в конце коридора, похожей на вход в подсобку.

Он толкнул дверь, втянул меня внутрь и захлопнул её за спиной. Комната оказалась крошечной, забитой швабрами, ведрами и пахнущей хлоркой. Я уже мысленно прокручивала варианты: укусить за запястье, резко дернуться, ударить коленом в пах. Я никогда не звала на помощь, не собиралась начинать и сейчас. Сердце колотилось где-то в горле.

А он неспешно швырнул пустой стаканчик в пластиковую урну у двери. Попал, не глядя. Затем медленно, театрально повернулся ко мне. И начал раздеваться.

Сначала он скинул кожанку, бросил её на полку. Потом, взявшись за край футболки, медленно, словно поддразнивая, стянул её через голову.

Я молчала. У меня отвисла челюсть. Я просто смотрела на его обнажённый торс. Кожа бледная, почти фарфоровая, как и полагается готическому принцу. Рельефные мышцы пресса, сильные плечи, ключицы, на которые так и просились чьи-то зубы. Фигура... ничего так. Очень даже ничего. Чёрт возьми.

Он положил руки на пряжку своего кожаного ремня, большие пальцы замерли на застёжке.

— Эй, стоп! – наконец сорвалось с моих губ. Голос прозвучал хрипло. – Я с тобой трахаться не буду, ясно понятно? Даже не надейся.

Он хитро ухмыльнулся, обнажив идеально ровные белые зубы. Его карие глаза блестели в полумраке подсобки.

— Зря. Тебе бы понравилось, я уверен, – произнёс он с такой непоколебимой уверенностью, что меня снова передернуло. – Но раз «нет» – значит «нет».

Он сделал шаг, потом ещё один, подойдя вплотную. Так близко, что я почувствовала исходящее от его голого тела тепло и запах – дым, дорогой одеколон с нотками кожи и что-то ещё, просто мужское, дикое. Он наклонился, его губы чуть коснулись моей мочки уха, и он прошептал так тихо, что это было похоже на шелест:

— И вообще я люблю, когда девочки сами приходят и на коленях умоляют меня их трахнуть.

Я фыркнула и отшатнулась, ударившись спиной о полку с моющими средствами.

— Понятно. Поэтому ты, наверное, до сих пор девственник. С такими-то подходами. У тебя, я смотрю, тут целый гарем из швабр.

Он снова рассмеялся, и в этот раз в его смехе было что-то искреннее, почти одобрительное. Затем он поднял с пола свою чёрную футболку и сунул мне в руки.

— На, переоденься. Ходить в мокром лифчике и светить сосками – последнее дело. Испортишь себе репутацию в первый же день.

Ткань была ещё тёплой от его тела.

С этими словами он накинул кожанку на голый торс, не

застегивая. Подмигнул мне, его тёмный взгляд скользнул по мне с ног до головы:

— До встречи, Яна.

И вышел, оставив дверь открытой.

Я осталась стоять посреди воняющей хлоркой подсобки, сжимая в руках его футболку. В шоке. От его наглости. От того, что он узнал моё имя (видимо, умудрился прочесть его в моем студенческом, который я сжимала в другой руке). И от того, что он, чёрт его побери, был прав – ходить в мокром и прозрачном лифе было верхом идиотизма.

Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт.

Медленно, с ненавистью глядя на дверь, я стянула с себя промокшую блузку. Лифчик и правда был мокрый насквозь. Пришлось расстегнуть и его. Я стояла полминуты, чувствуя себя нелепо и уязвимо, затем с отвращением натянула его футболку. Ткань была мягкой, она была на несколько размеров больше, и поэтому сидела на мне мешком, но она скрывала всё, что нужно. И она пахла им. Дымом, дорогим парфюмом и дерзостью.

Яна Белова, 22 года

Язвительная, сильная, но не лишённая человечности и по-

нимания.

Прошла непростой путь, и не меньше испытаний её ждёт
впереди.

Глава 2.

Дверь в аудиторию с грохотом ударилась о стену, когда я влетела внутрь, запыхавшаяся как загнанная лошадь. В руках я сжимала студенческий и телефон, а на мне была эта проклятая футболка с вороном, которая теперь казалась мне вещественным доказательством моего провала. Воздух в аудитории был прохладным и тут пахло дорогой бумагой и кофе. И тишиной. Гробовой тишиной, которую прорезал лишь один голос – бархатный, глубокий, с правильными интонациями, говорящий о сегментации рынка.

И этот голос замолк. Минимум двадцать пар глаз, отполированных деньгами и самолюбованием, уставились на меня. Я чувствовала их взгляды на своей коже, будто иголки. Отлично. Просто великолепный старт, Яна.

Лектор, стоявший у интерактивной доски, обернулся. Молодой, лет тридцати, в идеально сидящем кашемировом свитере цвета морской волны. У него были умные, добрые глаза за очками в тонкой металлической оправе и ухоженные руки. Он смотрел на меня не с раздражением, а с живейшим любопытством, будто я была интересным кейсом, а не опоздавшим студентом.

— Простите, я... кажется, заблудилась, — выдохнула я, чувствуя, как горит лицо. Горело не от стыда, чёрт возьми. От бешенства. На себя, на этот день, на того засранца в ко-

жанке, из-за которого я сейчас стою здесь, как идиотка, в его одежде.

Препод – табличка на столе гласила «К.О. Лазарев» – мягко кивнул. Уголки его губ дрогнули, сдерживая улыбку.

— Ничего страшного. Яна, верно? Новенькая. Мы как раз о тебе вчера с деканом беседовали. — Он сделал лёгкий, непринужденный жест рукой в сторону первого ряда, где было единственное свободное место. — Садись, пожалуйста, вот сюда. Осваивайся. И я продолжу, с твоего позволения.

«С твоего позволения».

Боже. Он сказал это абсолютно серьёзно, без капли издёвки. Как будто я была важной персоной, чьё мнение могло остановить ход лекции, а не провинциалкой в мятом пиджаке, натянутом на футболку с изображением птицы, символизирующей смерть и разложение. От такой вежливости мне стало не по себе. Со злыми и высокомерными я знаю, как себя вести. А с такими... Гораздо проще, когда на тебя орут. Я потупила взгляд и, стараясь не смотреть ни на кого, быстрыми шагами проскользнула к указанному месту.

Рядом со мной уже сидела девушка. Нет, не девушка – это был живой перформанс, взрыв на фабрике розового цвета. Её волосы были цвета спелой фуксии, собранные в два небрежных, нарочито неаккуратных пучка. Ярко-розовая кофта с гигантскими рукавами-крыльями почти полностью скрывала её хрупкую фигуру. Серебряный пирсинг в носу и изогнутая серьга в брови завершали образ. Она вы-

глядела так, как, по всем канонам, должен выглядеть креативный директор модного агентства – с лёгкой безуминкой, безбашенной самоуверенностью и полным отсутствием страха перед общественным мнением.

Я пристроилась на стуле, сгребла в кучу свои вещи и попыталась сделать вид, что внимательно слушаю Лазарева, который снова заговорил о драйверах потребительского поведения. Но я чувствовала её пристальный взгляд, будто луч лазера. Он скользнул по моим джинсам, по пиджаку, и намертво застрял на моей футболке. Она уставилась на ворона. Прямо впилась в него взглядом. Потом медленно, с театральным разочарованием, потрясла своей розовой головой и тихо, но настолько выразительно фыркнула, что это прозвучало громче любого слова.

Во рту у меня уже вертелась колкость – что-то про то, что с цветом волос ей к лицу скорее фламинго, чем вороны, – но она резко наклонилась ко мне, прикрываясь раскрытым учебником по маркетингу.

— Лиза, — прошептала она. Её голос был низковатым, с хрипотцой. Глаза, карие и невероятно живые, смотрели на меня с откровенным любопытством и насмешкой.

— Яна, — буркнула я в ответ, не понимая, что это – вызов на дуэль или попытка заключить пакт о ненападении.

— Ну что, Яна, — Лиза усмехнулась, её взгляд снова скользнул по футболке. — Поздравляю. Ты уже успела вступить в фан-клуб нашего местного божества и обзавелась

мерчем? Быстро ты, я смотрю. Рекорд по завоеванию кампуса.

Я нахмурилась, искренне не понимая. Мои брови сошлись в сердитой линии.

— Я понятия не имею, о чём ты. И даже не хочу знать. А это, — указала я на футболку. — долгая, грязная и крайне неприятная история.

Лиза прищурилась, изучая моё лицо с пристрастием. Видимо, она искала там фальшь, притворное неведение или лукавство фанатки. Но нашла только усталую серьёзность, раздражение и полное, стопроцентное недоумение. И её выражение лица вдруг резко смягчилось. Напряжение ушло из уголков губ, и она искренне, по-доброму улыбнулась, обнажив ровные белые зубы.

— Ох, прости. Я уж испугалась, что ты очередная долбанутая и перевелась к нам, только чтобы пускать слюни по этой «звезде». — Она изобразила в воздухе кавычки своими пальцами, унизированными серебряными кольцами.

— По какой, прости, звезде? — прошипела я, чувствуя, как в животе начинает закипать тяжёлое, неприятное предчувствие. Леденящее.

— Ну, Марат. Марат Воронов, — выдохнула Лиза, произнеся это имя с таким лёгким брезгливым придыханием, будто говорила о плесени в ванной. — Наш король универа, его тёмное высочество и предмет помешательства для каждой второй дурочки в этих стенах. Лидер группы «Flock of

Crows». Ну, этой... — она снова ткнула пальцем прямо в логотип на моей груди, и я почувствовала, как по телу пробежали мурашки. — Его группа.

Я опустила взгляд и снова посмотрела на зловещего ворона, раскинувшего крылья у меня на груди.

«Flock of Crows». Стая воронов.

Говорящее название для группы местного Аида. Так. Значит, кожанка, голый торс, наглые шуточки про трах и руки на моём запястье — это и есть Марат Воронов. Не просто нахал, а целая рок-звезда с говорящей фамилией.

— За последний год они взлетели так стремительно, что даже я, ненавидящая весь этот металлический треш, слышала их песни в каждом втором паблике, — продолжала Лиза, понизив голос до конспиративного шёпота. — Его тут даже журналисты из модных журналов караулят иногда у входа. А в универе... — она сделала многозначительную паузу, — ему покоя не дают. Стайки куриц с горящими глазами и оттопыренными от восторга губами, так и норовят его за угол затащить, чуть ли не на сиськах своих просят эту его корявую подпись поставить. Ужас, — она скривила свой красивый нос, будто почувствовала запах гнили.

Я фыркнула. Мой скептицизм, моя ядовитая неприязнь ко всему этому пафосу были ей явно понятны и близки.

— Не переживай. Я не из их числа. Скорее, из числа тех, кто с удовольствием даст ему по яйцам за испорченную блузку.

Лиза захихикала, прикрыв рот ладонью с чёрным лаком на ногтях.

— О, мне нравится, как ты мыслишь. Прямо родственная душа. Значит, история и правда была так себе?

— Та ещё мерзость, — уверенно кивнула я, глядя на доску, где Лазарев рисовал изящные схемы. — Этот ваш Аполлон с привкусом готики облил меня с ног до головы своим кофе, потом, в качестве извинений, затащил в подсобку, разделся там догола с театральными паузами, словно в порно для начинающих, и вручил вот это... — я с отвращением дернула за край футболки, — в качестве компенсации морального ущерба.

Лиза вытаращила свои карие глаза, а потом снова рассмеялась, на этот раз громче, обрывисто и искренне. Несколько человек даже обернулись.

— Боже мой. Это на него похоже. На сто процентов. Экстравагантный, самовлюбленный мудака с замашками секс-символа. Ну, добро пожаловать в наш цирк, Яна. Здесь тебе скучно точно не будет. Гарантирую.

«Цирк».

Похоже, это было самое точное определение этого места. А я, сама того не желая, уже стала одним из главных клоунов на арене, причём в костюме, который мне не подходил, не нравился и на котором было написано имя главного дрессировщика. И почему-то у меня было стойкое, противное чувство, что моё выступление только начинается, а трапедия

уже шатается.

Визуализация героев. Марат

Марат Воронов, 24 года.

Про него могу сказать только одно. Не верьте первому впечатлению, дорогие читатели))

Глава 3

Пара закончилась. Студенты, громко переговариваясь, повалили к выходу. Я собирала свои вещи, уже предвкушая, как найду эту чёртову столовую и наконец выпью кофе. Возможно, даже две чашки.

— Яна, вы не могли бы на минутку задержаться? — раздался спокойный голос Лазарева.

Я внутренне поморщилась. Вот и началось. Сейчас будет лекция о важности пунктуальности и дресс-кода, который явно не включает футболки с воронами.

Лиза, проходя мимо, бросила на меня многозначительный взгляд и прошептала: «Не волнуйся, он не кусается. Встретимся в столовой, я займу тебе место». И скрылась в потоке людей.

Аудитория быстро опустела. Солнечный луч поймал пылинки, танцующие в воздухе. Лазарев присел на край стола, скрестив руки на груди. Его поза была расслабленной, неформальной.

— Ну что, Яна, как вам первые впечатления? Кроме, конечно, экстремального знакомства с нашими коридорами.

— Пока всё как в тумане, — честно призналась я. — И в прямом, и в переносном смысле.

Он улыбнулся.

— Это нормально. Я просмотрел вашу академическую

справку из предыдущего вуза. Программа у нас... несколько иного уровня. Может быть сложно.

Я почувствовала, как в животе зашевелились знакомые ёжики — смесь обиды и азарта.

— Я понимаю. Но я никогда не была в списке отстающих. Информацию схватываю быстро. Если что — разберусь.

— В этом я не сомневаюсь, — кивнул он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Ваш табель успеваемости очень впечатляет. Я искренне надеюсь, что здесь эта тенденция не изменится. И, Яна, — он посмотрел на меня прямо, — если возникнут любые проблемы, любые вопросы... не стесняйтесь обращаться. Я помогу, подскажу, сориентирую. Моё дело — чтобы вы чувствовали себя здесь комфортно и могли учиться.

Это было сказано так искренне, без привычного учительского пафоса, что моя защитная броня дала трещину.

— Спасибо, — сказала я, и это прозвучало не так колко, как я привыкла.

Мы вышли в коридор. Он шёл рядом, не торопясь. Студенты, проходя мимо, бросали на нас любопытные взгляды.

«Новенькая и Лазарев», — вероятно, думали они. Или «смотри, она в футболке Воронова». Но мне было плевать.

— Константин Олегович, — начала я, останавливаясь.

— Вне аудитории можно просто Константин, — поправил он легко.

— Константин, — попробовала я. Звучало непривычно,

но неплохо. — Вы сказали, что можно обратиться с любой проблемой.

Он повернулся ко мне, его взгляд стал заинтересованно-внимательным, будто он ожидал вопроса о сложнейшем теоретическом модуле.

— Конечно. Что случилось?

Я посмотрела на него самым серьёзным образом, каким только могла.

— Не подскажите, где здесь столовая? А то я, похоже, в этом лабиринте без нити Ариадны до вечера проблуждаю.

Он не сразу понял. Потом его губы дрогнули, он фыркнул, и этот фырк перерос в тихий, но искренний смех. Он смеялся, слегка запрокинув голову, и в этот момент выглядел не как препод, а как обычный парень.

— Вот уж не ожидал, что первая просьба будет настолько... жизненной, — выдохнул он, вытирая воображаемую слезу. — Пойдёмте, я вас провожу. Мне как раз в ту сторону.

Мы пошли по коридору. И, к моему собственному удивлению, общаться с ним было... легко. Пока он рассказывал о меню в столовой, я позволила себе рассмотреть его повнимательнее. Русые волосы, слегка взъерошенные, как будто он часто проводит по ним рукой. Глаза, теперь я разглядела, были не просто карими, а тёплого, медового оттенка. Стильные очки в тонкой металлической оправе придавали ему серьёзности, но я поймала себя на мысли, что без них он, наверное, выглядел бы ещё моложе, почти моим ровесником. Чер-

ты лица мягкие, но с чёткой линией подбородка, на котором сегодня, кажется, уже пробивалась лёгкая щетина. Да, симпатичный. Неброско, но приятно.

Он не сыпал умными терминами, не пытался блеснуть интеллектом. Он рассказывал о том, какие пирожки в столовой самые съедобные, как найти самый короткий путь к библиотеке и что кофе из автомата на втором этаже лучше, чем на четвёртом.

— Тот, на четвёртом, вечно плюется и делает какую-то коричневую воду, — делился он опытом, и это было так человечно, что я не могла не улыбнуться.

В этом не было никакого напряжения, никакой игры в «препода-и-студента». Он был простым и понятным. Без выкрутасов. И это та простота, которую я всегда ценила в людях больше всего. После утреннего цирка с Вороновым это было как глоток свежего воздуха.

По пути мы поймали пару заинтересованных взглядов. Студенты, проходившие мимо, с явным любопытством оглядывали нас. Сначала я подумала, что дело в моей дурацкой футболке и в том, что я — новенькая диковинка. Но потом заметила, что их взгляды скользят по Лазареву, а потом возвращаются ко мне с каким-то странным, оценивающим выражением.

— Что-то не так? — спросила я, когда очередная пара девушек, проходя мимо, зашепталась, бросив на нас взгляд.

Лазарев махнул рукой, словно отмахиваясь от надоедли-

вой мухи.

— Не обращай внимания. Здесь любое отклонение от привычного сценария вызывает бурю. Преподаватель общается со студентом — уже сенсация. А уж если этот студент — новенькая девушка... — он оставил фразу неоконченной, но я всё поняла.

— Ага, значит, сплетничать будут не только из-за футболки Воронова, но и из-за вашей любезности. — я вздохнула. — Отлично. Двойная порция славы в первый же день.

— Насчёт футболки... — он бросил на меня искоса заинтересованный взгляд. — Это тот ещё трофей. У тебя уже состоялось посвящение в местную знаменитость?

— Если под посвящением вы подразумеваете, что меня облили кофе, а в качестве компенсации вручили вот это, то да, — буркнула я. — Церемония была насыщенной.

Он сдержанно усмехнулся.

— Добро пожаловать в мир большого искусства и его адептов. Держись от Воронова подальше, если не хочешь, чтобы твоя студенческая жизнь превратилась в сюрреалистичный триллер.

— Планирую, — честно сказала я. — У меня и своих триллеров хватает.

Мы подошли к массивной стеклянной двери, за которой слышался гул голосов и звон посуды.

— Вот и она, — Лазарев жестом указал на дверь. — Лучшие сосиски в тесте в радиусе пяти километров, по уверени-

ям студентов. И кофе, который, впрочем, я бы не рекомендовал.

— Спасибо, — улыбнулась я. И на этот раз улыбка была искренней. — Вы меня спасли. От голода и от необходимости спрашивать дорогу у кого-то ещё.

— Всегда к твоим услугам, — он кивнул, и в его глазах мелькнула тёплая искорка. — Удачи найти свою розовую подругу в этой толпе.

Он развернулся и пошёл обратно, а я толкнула дверь в столовую, встречая волну запахов и звуков. И впервые за этот день подумала, что не всё здесь, возможно, так уж плохо. По крайней мере, пока.

Глава 4.

Найти Лизу в столовой было проще простого – её розовая макушка торчала над толпой, как сигнальный маячок. Я протиснулась между столиками и плюхнулась на стул напротив. Передо мной уже стоял бумажный стаканчик с дымящимся кофе и сэндвич с курицей и овощами.

— Думала, помрёшь с голоду, пока тот зануда будет читать тебе мораль, — без обиняков заявила Лиза, подталкивая кофе в мою сторону. — Взяла на свой вкус, если что — сама виновата.

Я смотрела на еду, и в груди шевельнулось что-то тёплое и незнакомое. Так... нормально. Просто сидеть и есть с кем-то. Без подтекста, без необходимости что-то доказывать.

— Спасибо, — сказала я, и мой голос прозвучал чуть более хрипло, чем планировала. — Отолью тебе долю своей крови позже, как полагается между вампирами.

Лиза фыркнула, но было видно, что шутка ей понравилась.

— Ладно, с этим разобрались. Теперь по делу. Чего хотел наш кэп? Признался в любви? Предложил руку, сердце и пожизненную стипендию?

— Почти, — я откусила сэндвич. Он был на удивление съедобным. — Поинтересовался, не пугает ли меня сложность программы. Предложил помощь с адаптацией. Сказал

обращаться с любыми проблемами.

Лиза приподняла одну искусно выщипанную бровь, на её губах расплзлась хитрая, знающая улыбка.

— О-хо-хо. А вот когда я сюда перевелась, он ограничился кивком в коридоре и пожеланием не прогуливать. Никаких индивидуальных консультаций и предложений помощи. Интересно, интересно... Методы работы с новенькими у нашего Константина Олеговича явно эволюционировали. И в весьма приятную сторону.

Я почувствовала, как по щекам разливается лёгкий румянец, и сделала глоток кофе, чтобы скрыть смущение.

— Да брось. Наверное, просто решил, что я выгляжу как законченная двоечница, которой нужен присмотр. Или у него с утра настроение хорошее было. Кто их разберёт, этих преподав.

— Конечно, конечно, — поддакнула Лиза с таким видом, что я тут же захотела швырнуть в неё оливкой из своего сэндвича. — Просто хорошее настроение. Очень научно.

Мы обсуждали расписание, и я как раз жаловалась на предстоящую экономику, как к нашему столику подошла небольшая, но шумная группа. Трое парней. Один, самый высокий и плечистый, с дерзкой ухмылкой и смеющимися карими глазами, без лишних церемоний пристроился на стуле рядом с Лизой, так близко, что их плечи соприкоснулись.

— Лиза, а мы тебя ищем! — заявил он, игнорируя тот факт, что мы явно были заняты разговором. — Сбежала от

нас, недобрая.

— Отстань, Ваня, видишь, человек ест, — буркнула Лиза, но отодвигаться не стала, и по тому, как уголки её губ задрожали, было ясно, что для неё его внимание если и не сильно приятное, то уж точно не противное.

— Тем интереснее! — Ваня повернулся ко мне, его взгляд скользнул по мне с ног до головы, задержался на лице, а затем упёрся в мою футболку. Его брови поползли вверх. — Опа! А у нас тут, я смотрю, новобранец в рядах фанаток Маратки. Быстро ты, Лиза, подружек себе подбираешь.

— Да заткнись ты, — отрезала Лиза, но Ваня уже представлял свою компанию.

— Я – Ваня. Это Серёжа, — он кивнул на парня в очках и с добродушным лицом, — а это Степан, — второй, поменьше ростом, с ехидными глазами и взъерошенными волосами, просто поднял руку в приветственном жесте.

— Яна, — коротко представилась я, чувствуя, как на меня обрушивается лавина любопытства.

— Яна, значит, — Ваня упёрся локтями в стол, наклонился ко мне. — И откуда такая смелая? В первый же день щеголяешь в мерче «Ворон». Это тебе не какая-нибудь футболка «Газпрома», тут статус надо иметь. Или не иметь мозгов. Ты откуда, новенькая?

— Из города, где люди сначала думают, а потом носят на себе чужие портреты, — парировала я.

Степан фыркнул, Артем улыбнулся.

— О, колючая! — обрадовался Ваня. — Ну, рассказывай, как умудрилась? Подарил? Выменяла на что-то ценное? Проиграл в покер?

— Облил кофе. Футболка — компенсация морального ущерба, — выдохнула я, уже ненавидя эту историю.

— Классика! — Ваня с восторгом хлопнул ладонью по столу. — Он часто так знакомится! Помнишь, Стёп? Ту блондинку с ин яза он тогда чаем облил, а потом...

— Потом она неделю ходила с ним за ручку, пока он не нашёл себе новую игрушку, — мрачно закончил Степан.

— А однажды он на концерте сорвал с гитариста майку и бросил её в толпу, — подхватил Серёжа. — Девчонки чуть не разорвали друг друга в клочья.

— Да он просто свинья, а не рок-звезда, — заключила Лиза, отхлёбывая свой кофе.

— Свинья, но какая харизматичная! — вздохнул Ваня. — В общем, Яна, добро пожаловать в клуб. Теперь ты помечена. Теперь каждая первая девица в универе будет смотреть на тебя с ненавистью, а вторая — с завистью. А сам Марат... он любит свои игрушки. Рано или поздно он за тобой вернётся, чтобы посмотреть, не сломалась ли ты.

Я посмотрела на его ухмыляющуюся физиономию, потом на свою половинку сэндвича.

— Милый, — сказала я, смерив его ледяным взглядом. — Ты так про него говоришь, словно сам в него влюблён. Не переживай, я не собираюсь становиться твоей соперницей.

Мне парни с менее завышенной самооценкой нравятся. И с меньшим количеством птиц на одежде.

Наступила секундная пауза, а потом стол сотрясся от хохота. Даже Лиза, кажется, была впечатлена.

— О, да она тебя по косточкам разобрала! — захихикал Степан.

— Мне нравится эта девочка! — объявил Серёжа, смотря на меня с уважением.

— Знаешь, — сказала Лиза, смотря на меня. — Похоже, с твоим появлением здесь станет ещё веселее. Готовься, Яна. Теперь ты официально часть нашей безумной компании. И, похоже, одна из её главных звёзд.

Я вздохнула, доедая сэндвич. Звезда. В футболке с вороном и с историей про полуголого нарцисса. Что ж, могло быть и хуже. По крайней мере, с голоду я сегодня не умру. И, кажется, у меня появились друзья. Пусть и слегка сумасшедшие.

Глава 5.

Из столовой мы вывалились гурьбой – я, Лиза, Ваня, Сергей и Стёпа. Настроение было, как ни странно, приподнятым. Кофе, пусть и дерьмовый, сделал своё дело, а компания оказалась весёлой. Мы болтали о каком-то предстоящем концерте, и я уже почти забыла про утренний кошмар.

Почти.

Пока мы не столкнулись с ними в главном холле. Это была не просто группа студентов. Это была живая выставка родительских капиталов. Девушки в безупречном гламурном гранже – короткие платья, дорогие кроссовки, сумки, стоимость которых могла бы покрыть мою стипендию на год. Парни в безупречно сидящих футболках и с таким выражением лица, будто они только что купили этот университет и теперь инспектируют владения.

И во главе этого парада шла Она. Девушка в облегающем чёрном кожаном платье, которое кричало «за ночь беру дорого, очень». Волосы цвета воронова крыла, идеальный макияж с акцентом на губы и холодные, оценивающие глаза. Она была похожа на хладнокровного и очень дорогого хищника местной фауны.

Наша тропинка и их маршрут пересеклись. И эта гламурная пантера остановилась, преградив нам дорогу. Её свита тут же замолчала, выстроившись за ней, как хорошо одетая

стена.

— Ну, здравствуйте, — растянула она, и её взгляд, скользя по Лизе и ребятам, остановился на мне. Точнее, на моей футболке. Её глаза сузились. — Лиза, я не знала, что ты взяла шефство над бомжами. Или это новый перформанс — «стиль из мусорки».

Я почувствовала, как Ваня напрягся рядом. Лиза же лишь презрительно фыркнула.

— Алла, как всегда, радуешь нас своим изысканным чувством юмора, — парировала Лиза. — А я вот вижу, что твой стиль называется «ночь в лифчике за десять тысяч». Познательно.

Алла проигнорировала её, как назойливую муху. Её внимание было всецело приковано ко мне.

— А это что за новенькая перелётная птичка? — она сделала шаг ко мне. От неё пахло дорогими духами с горьковатым запахом пачули. — И в чужом оперении, я смотрю. Откуда ты это стащила, милочка? Из его гардеробной? Или просто подобрала на помойке, куда он, скорее всего, это и выбросил?

Тут до меня дошло. Футболка. Всё из-за этой чёртовой футболки. Похоже, это была главная фанатка Воронова. Та самая, про которую мне недавно рассказывали ребята.

Я почувствовала, как знакомый ехидный демон проснулся у меня внутри. Я расслабила плечи и сделала самое невинное лицо, какое только могла.

— А ты кто такая, чтобы интересоваться? — спросила я с искренним любопытством. — Его личный стилист? Или, прости, прачка? А то что-то слишком уж личные вопросы про чужую одежду задаешь.

В её глазах мелькнуло изумление, быстро сменившееся холодной злостью. Её свита зашепталась.

— Я Алла, — представилась она, и это прозвучало как королевская регалия. — И я просто не люблю, когда всякий сброд носит вещи Марата. Это... осквернение.

— Понятно, — кивнула я, делая вид, что все прояснилось. — То есть, ты, получается, главная по его ношенным футболкам? Уважаемая должность. А зарплата белая или в конверте?

Позади меня Ваня подавился смехом. Лиза довольно ухмыльнулась.

Алла побледнела. Её пальцы с идеальным маникюром сжались в кулаки.

— Ты очень смешная, — прошипела она. — Для провинциальной выскочки. Надеюсь, твоё чувство юмора поможет тебе пережить этот учебный год. Я устрою тебе здесь такую весёлую жизнь, что ты будешь вспоминать свой захолустный городишко как рай.

Я посмотрела ей прямо в её холодные глаза. Ни тени страха. Только усталое раздражение.

— О, спасибо за заботу, — сказала я сладким голосом. — А я-то боялась, что будет скучно. А ты сразу – развлече-

ния, аттракционы. Только, милая, давай договоримся: если ты собираешься мне угрожать, делай это покреативнее. А то пока что всё слишком банально. Прямо как твоё платье, если честно. В прошлом сезоне такое видела. У себя в городишке.

Алла застыла на месте. Казалось, она вот-вот взорвётся. Её взгляд перешёл с меня на Лизу и ребят, словно оценивая, стоит ли затевать сцену прямо здесь.

— Ты пожалеешь, — тихо, но очень отчётливо сказала она, глядя на меня так, будто уже составляла список казней.

— Знаешь, мне это постоянно говорят, — вздохнула я с преувеличенной грустью. — А я всё ещё не пожалела. Видимо, не умею.

И, не дожидаясь её ответа, я шагнула вперёд, заставляя её инстинктивно отступить. Моя компания двинулась за мной.

— Удачи в прачечном бизнесе! — бросила ей через плечо Лиза.

Мы прошли мимо, оставив Аллу и её свиту в состоянии лёгкого шока. Сердце колотилось, но не от страха, а от адреналина.

— Боже, Яна, — выдохнул Стёпа, смотря на меня с восхищением. — Ты её... уничтожила.

— Это был разгром, — констатировал Сергей, поправляя очки. — Но будь осторожна. Алла не шутит. У неё есть связи, и она злопамятна как чёрт.

— Пусть попробует, — пожала плечами я, чувствуя, как в груди разливается знакомое упрямство. — Меня и не таки-

ми пугали. В моём городишке, как она изволила выразиться, дрались покруче её словесных диарей.

Ваня хлопнул меня по плечу.

— Добро пожаловать на войну, солдат. Теперь ты официально в команде.

Я посмотрела на его ухмыляющееся лицо, на одобрительную улыбку Лизы. И подумала, что, возможно, эта «весёлая жизнь», которую пообещала Алла, если и будет жёсткой, то хотя бы не одинокой.

Глава 6.

Остаток дня прошёл на удивление спокойно и даже продуктивно. Преподаватели, за исключением пары зануд, оказались вполне адекватными, а некоторые даже проявили участие, вручив мне списки дополнительной литературы и посоветовав, на что обратить внимание, чтобы догнать программу. Да, здесь было сложнее. Материал шёл глубже, требования были выше, но паники я не чувствовала. Учиться я любила. В этом был свой, понятный мне порядок и контроль.

После последней пары я спросила у Лизы, как пройти в библиотеку. Та, ухмыльнувшись, сказала: «Ботанить так ботанить», – и объяснила маршрут.

Библиотека оказалась огромным, тихим пространством с запахом старой бумаги и лакового дерева. За стойкой сидела библиотечарша – сухонькая старушка в очках, похожая на мышку-норушку. Она оказалась глуховатой и, не отрываясь от книги с обложкой, на которой страстно обнимались красивый парень и девушка с развевающимися на ветру волосами, просто махнула рукой вглубь зала.

«Ну что ж, у каждого свои страсти», – с усмешкой подумала я и отправилась между высоких стеллажей в поисках нужных учебников.

Я уже нашла пару толстенных томов и пробиралась к отделу по маркетингу, как вдруг из-за угла ряда с книгами по

классической литературе чья-то рука схватила меня за запястье и резко потянула в узкий, плохо освещённый проход между стеллажами.

Адреналин ударил в голову. Я уже занесла локоть и готовилась врезать коленом в пах нападавшему, но в полумраке увидела знакомые черты, тёмные волосы и эту наглую, самодовольную ухмылку. Руки сами собой сжались в кулаки. Врезать захотелось ещё сильнее.

— Ты совсем офигел? — выдохнула я, вырывая руку. Его пальцы разжались легко, будто он и не собирался меня удерживать. — У тебя, я смотрю, патологическая тяга затаскивать женщин в тёмные углы. Это диагноз. Спойлер. Лечится.

Он рассмеялся тихо, беззвучно, лишь плечи слегка вздрогнули.

— А у тебя патологическая тяга попадаться. Мы идеальная пара.

— В твоих больных фантазиях, может, и так, — фыркнула я, отступая на шаг и упираясь спиной в стеллаж. — Что тебе надо? Или просто скучно стало пугать первокурсниц?

Он закатил глаза, но улыбка не сошла с его лица.

— Прячусь. От фанаток. Здесь последнее безопасное место. Они боятся пыли и знаний, как вампиры святой воды. Я фыркнула, перекладывая книги в руке.

— Прячешься от фанаток? И как-то по-идиотски это делаешь. Затягивая одну из них, по мнению всего универа, в очередную «кладовку». Гениальный план, Воронов. Просто

блестящий. Теперь они точно подумают, что мы тут трахаемся меж книжных полок.

Его взгляд вдруг стал заинтересованным, игривым.

— А мы что, не трахаемся?

— Мы даже не целуемся, — отрезала я. — Мы ругаемся. Это наша форма общения. Или ты путаешь?

— Может, просто ещё не дошли до этого, — парировал он, но в его тоне не было прежней похабной наглости. Скорее... вызов. — Ты же сама сказала — я девственник. Мне нужно время, чтобы раскачаться.

Я невольно улыбнулась. Чёрт возьми, он был невозможен.

— Знаешь, для человека, который прячется, ты очень громко заявляешь о своём присутствии. От тебя пахнет... — я сделала вид, что принимаю, — самомнением и дорогим парфюмом. Любая фанатка с полкином тебя учует.

— От тебя пахнет кофе и злостью, — заметил он, наклонившись ко мне поближе. — И чуть-чуть моим стиральным порошком. Приятное сочетание.

Мы стояли друг напротив друга в тесном проходе. И я ловила себя на мысли, что это «ругание» было чертовски заряжающим. После его откровенных намёков в подсобке этот диалог казался почти что флиртом. Опасным, колючим, но флиртом. Он смотрел на меня не как на объект, а как на равного соперника в словесной дуэли. И это... было интересно.

— Мне кажется, или ты стал вести себя почти по-человечески? Утренний припадок миновал?

— Утренний припадок был реакцией на столкновение с прекрасным, — парировал он, но в его тоне не было прежней наглости. — А сейчас я просто изучаю новый экспонат в нашем зверинце. Интересный экземпляр. Не пищит, не просит автограф, а наоборот, грозит физической расправой.

Я смотрела на него, и внутри всё клокотало. Но вместе со злостью проскальзывало и что-то ещё... Любопытство. Он был невыносим, но предсказуемым его назвать было нельзя. Как огонь — опасный, но притягательный.

— Может, ты просто надоел? — предположила я. — Может, у людей просто иммунитет к твоему нарциссизму вырабатывается?

— Вряд ли, — он ухмыльнулся. — Но в тебе есть что-то свежее. Наглость, что ли. Приятно встречать кого-то, кто не падает в обморок от моего присутствия.

— Не обольщайся, — я повернулась, чтобы уйти. — Я просто хорошо воспитана. И меня учили не есть с пола то, что упало.

Я сделала шаг, но его голос остановил меня.

— Эй, Яна.

Я обернулась.

— Что?

— Слушай, насчёт футболки.

— Что? Хочешь обратно? Бери, она мне всё равно как кость в горле. Только постираю сначала. От тебя пахнет... самодовольством.

Он покачал головой, и на его лице промелькнула тень настоящей, не наигранной улыбки.

— Нет, оставь. Тебе идёт. Выглядишь... бунтарски.

Это было настолько неожиданно, что я на секунду опешила. Не наглость, не пошлость, а почти комплимент. Почти.

— Ой, спасибо, — сказала я с сарказмом, чтобы скрыть лёгкую растерянность. — Теперь я знаю, какому идиоту обязана своим бунтарским видом.

— Всегда рад помочь, — он оттолкнулся от полки и сделал шаг ко мне. Мы стояли совсем близко в этом узком проходе. Я снова почувствовала его запах — дым, кожа и что-то горькое, похоже на кофе. — Но, вообще, будь осторожнее. В этой футболке ты как красная тряпка для некоторых.

— Уже в курсе, — буркнула я. — Познакомилась с твоей фанаткой Аллой. Милейшая девушка. Прямо мечтает сделать мой учебный год незабываемым.

Его лицо на мгновение стало серьёзным.

— Алла — стерва. Держись от неё подальше.

— О, а я думала, она твой типаж. Холодная, ядовитая и в чёрной коже.

— У меня разнообразный вкус, — парировал он, и его взгляд скользнул по мне с ног до головы, задерживаясь на моих глазах. — Иногда меня тянет на зеленоглазых раздражительных брюнеток с острым языком.

Сердце у меня глупо ёкнуло. Чёрт. Он снова это сделал. Перевел всё в флирт.

— Ну, тогда тебе точно не повезло, — огрызнулась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Потому что эта брюнетка предпочитает мужчин, которые не прячутся в библиотеках от последствий собственной славы.

Я резко развернулась и наконец вышла из тесного прохода, оставив его в полумраке между стеллажами.

— До встречи, Яна! — донесся его голос сзади, полный привычной наглой уверенности.

Я не обернулась. Я шла по коридору библиотеки, сжимая в руках учебники, и чувствовала, как по щекам разливается жар.

Воронов был невыносим. Наглый, самовлюблённый и абсолютно непредсказуемый. И самое противное было то, что скучно с ним точно не было. И этот факт злил меня больше всего.

Глава 7.

Учебная неделя пролетела на удивление спокойно. Никаких новых инцидентов с Вороновым, никаких подколов от Аллы – казалось, та даже забыла о моём существовании.

Может, обойдётся? Хотя внутренне я была начеку и готова ко всему. Готовилась к парам, встречалась с Лизой и её компанией, потихоньку вливалась в ритм.

С Маратом я больше не пересекалась. Потом Ваня проговорился, что у того «всё забито концертами до пизды», поэтому он в универе появляется реже, чем хотелось бы администрации. Меня это, честно говоря, волновало меньше всего. Я приехала строить свою жизнь, а не крутиться в тени начинающей рок-звезды и в водовороте местных сплетен.

В пятницу вечером мы сидели с тётей Верой в каком-то модном ресторане с приглушённым светом и тарелками таких размеров, что еда на них казалась декоративным элементом. Мы болтали об учёбе, о моих первых впечатлениях. С Верой было легко и весело. Ей было всего тридцать четыре, но выглядела и вела она себя лет на двадцать пять – энергичная, стильная, с острым чувством юмора. Со стороны мы действительно сошли бы за подружек.

Вера занималась продвижением звёзд. Была тем самым звездным менеджером, который превращает талантливых людей в бренды. Клиенты у неё были серьёзные, один дру-

того круче. Одна из её первых и самых благодарных клиентов, певица, с которой они даже подружились, в знак благодарности за прорыв в карьере... подарила Вере квартиру на Патриарших.

Вот так, просто. С размахом. Тетя хотела, чтобы я закончила именно этот вуз, чтобы взять меня к себе. Направление плюс-минус одно – маркетинг. А всему остальному, всему самому вкусному и практическому, она научит меня сама по ходу работы.

Но был один вопрос, который я хотела осторожно с ней обсудить. Он касался денег. Моих денег. Не тех, что щедро давала тетя, которая уже вбухала кучу в мой гардероб, телефон и эту учёбу.

Я слишком привыкла к самостоятельности. В своём городке я с семнадцати лет работала в «Молоте» – баре, который был культовым не только у нас, но и считался модным даже по меркам Москвы. Я была неплохим барменом. Не просто наливала, а чувствовала вкусы, круто мешала коктейли, создавала новые, необычные сочетания.

Платили там настолько хорошо, что я смогла сделать ремонт в нашей старенькой, уставшей квартирке с бабушкой. И мне не хватало этого заработка, этой независимости – чёрт, как же сильно я по ней скучала.

Я хотела попробовать вернуться к чему-то подобному здесь. Найти работу в баре или клубе, брать смены на выходные. Пятницу и субботу я точно могла выделить без ущерба

для учёбы. В Москве море таких мест, я была уверена, что найду что-то подходящее по графику и не слишком далеко от квартиры.

Оставалось только согласовать с Верой. Не то чтобы она держала меня в ежовых рукавицах – совсем наоборот. Но я знала её. Она могла расстроиться, даже обидеться.

Мол, я всё тебе даю, а ты идёшь мыть стаканы? Для неё это могло выглядеть как неблагодарность или неприятие её помощи. А я просто... не могла расслабиться и принимать всё так спокойно, как хотелось ей. Во мне сидел тот самый колючий провинциал, который знал цену деньгам и необходимости зарабатывать их самому.

— Вера, — начала я, отодвигая тарелку с недоеденным десертом. — У меня к тебе вопрос. Неудобный немного.

Вера подняла на меня взгляд над бокалом с белым вином. Её глаза, такие же зелёные, как у меня, сузились с любопытством.

— Если ты собралась сбежать с тем гот-Аполлоном, о котором все шепчутся, то мой ответ – категорическое «нет». Пока не закончишь универ.

Я фыркнула.

— Да ну его к чёрту. Речь о другом. О деньгах.

Она поставила бокал.

— Тебе что-то нужно? Говори. Машина? Поездка куда?

— Нет-нет, — я быстро замотала головой. — Всё наоборот. Я... я хочу найти работу. На выходные.

В её глазах мелькнуло то самое недоумение, которого я и боялась.

— Работу? Яна, у тебя же учёба. Сложная программа. Или у тебя проблемы с деньгами? — она даже привстала, и я почувствовала прилив вины.

— Нет! С деньгами всё отлично, спасибо тебе. Просто... — я вздохнула, подбирая слова. — Я привыкла сама зарабатывать. Ещё там, с бабушкой. Я работала барменом, помнишь? В «Молоте». И мне... мне это нравилось. Чувствовать, что я могу сама себя обеспечить. Сидеть на твоих деньгах, какими бы щедрыми они ни были, мне... некомфортно.

Она смотрела на меня молча, и я видела, как в её голове крутятся мысли. Обида? Разочарование?

— Ты считаешь, что я тебя недостаточно обеспечиваю? — тихо спросила она.

— Боже, нет! — я чуть не пролила воду. — Вера, ты обеспечиваешь меня выше всяких норм. У меня есть всё. Но это — твоё. А я хочу, чтобы было что-то моё. Не из-за суммы, а из-за принципа. Чтобы не разучиться быть самостоятельной. Чтобы не превратиться в избалованную мажорку, которая не знает, сколько стоит час её труда.

Она откинулась на спинку стула, изучая моё лицо.

— И чем же ты планируешь заниматься? Строить карьеру официантки?

— Барменом, — поправила я. — Я хороший бармен. И это всего два дня в неделю. Пятница, суббота. На учёбу это

не повлияет, я обещаю. Я же не дура, чтобы завалить сессию из-за пары коктейлей.

Вера вздохнула, провела рукой по своим идеально уложенным волосам.

— Яна, я понимаю твоё желание быть независимой. Оно тебе делает честь. Но ты сейчас в другом мире. Здесь твоя работа – учиться. Вкладываться в себя. А не стоять за стойкой и выслушивать пьяные истории какого-нибудь олигарха.

— Это тоже вложение в себя, — упрямо сказала я. — В свою стрессоустойчивость, в умение общаться с людьми, в дисциплину. И это ненадолго. На время учебы.

Мы помолчали. Официант принёс счёт, и Вера молча достала карту.

— Хорошо, — наконец сказала она, глядя куда-то мимо меня. — Я не буду тебе запрещать. Ты взрослый человек. Но, Яночка, будь осторожна. Москва – не твой городок. Бары здесь... другие. Люди другие. Обещай, что будешь выбирать место с умом и сразу же уйдёшь, если что-то не понравится.

Облегчение волной накатило на меня.

— Обещаю. Спасибо, Вера! — я чуть не подпрыгнула на стуле. — Я буду самой осторожной барменшей в истории Москвы. И самой квалифицированной, обещаю.

— С тобой, племянница, не соскучишься. Ладно, иди устраивай свою независимость. — она махнула рукой, но в уголке её губ дрогнула улыбка. — Только смотри, если учёба просядет – вся твоя карьера бармена мгновенно закончится.

Договорились?

— Договорились, — кивнула я, и в душе что-то щёлкнуло, освобождаясь.

Один шаг к своей, настоящей жизни здесь был сделан.

Глава 8.

Энергия от разговора с Верой ещё кипела во мне, как шипучка в стакане. Не стала откладывать в долгий ящик, сразу уткнулась в телефон, листая вакансии. Критерии были просты: не пафосный сарай для индюков в галстуках и эскортниц с силиконовыми губами, и не обшарпанная обрыгаловка с липкими полами. Мне нужно было место с душой. Где можно прийти и чувствовать себя... собой.

Большинство заведений вызывали либо зевоту, либо отторжение. Слишком много золота, слишком криво, слишком близко. И вот, почти отчаявшись, я наткнулась на него.

Бар «Подземка».

Новое место, открылось пару месяцев назад. Фотографии цепляли сразу: приглушённый свет, кирпичные стены, но не лживо-лофтовые, а настоящие, будто это и правда какой-то бункер. Деревянные столы, потёртый металл, и... сердце всего – огромная, подковообразная барная стойка прямо в центре зала. Она была сделана из тёмного дерева и меди, подсвечена тёплым золотистым светом, и выглядела не просто как место для разлива напитков, а как настоящий алтарь, вокруг которого танцевали и общались люди.

И самое главное – в описании вакансии чёрным по белому: «Требуется бармен на выходные (пятница, суббота). Опыт, чувство вкуса и адекватность приветствуются». Это

была судьба. Я тут же, не думая, отправила отклик, прикрепив короткое письмо о своём опыте в «Молоте».

Ответ пришёл на удивление быстро. Минут через двадцать зазвонил неизвестный номер.

— Алло, Яна? — прокричал в трубку мужской голос, едва перекрывая гул музыки и голосов. — Насчёт вакансии. Меня Артём зовут, я управляющий. Слушай, тут у нас адский завал, один бармен сегодня не вышел. Не хочешь заскочить на пробу прямо сейчас? Покажешь, на что способна? Плачу за пробную по полной.

Риск? Конечно. Но кайф от риска – это то, без чего я не могла. «Молот» научил меня не бояться завалов.

— Да, я в пути, — ответила я, уже натягивая куртку. — Через полчаса буду.

Показала тете Вере фотографии бара и скинула адрес. Та, изучив инфу, одобрительно хмыкнула: «Смотри, чтоб не обманули. И звони, если что».

Через тридцать минут такси высадило меня перед неприметным, почти подвальным входом, над которым горела неоновая синяя вывеска «Подземка».

Я прифигела. Народу было видимо-невидимо. Очередь выстраивалась прямо на улице, несмотря на прохладный вечер.

Я протиснулась к охраннику, брутальному типу с бородой, и крикнула ему на ухо:

— Яна! Новый бармен, меня Артём ждёт!

Он кивнул, сверился со списком в телефоне и пропустил меня внутрь.

И вот я внутри. Как я и предполагала, тут был настоящий ад – в хорошем смысле. Гул голосов, грохот какой-то мощной, но не оглушающей музыки с элементами инди-рока и электроники, и море людей. Воздух был густой от смеси парфюма, пива и чего-то ещё, вкусного и пряного.

Интерьер был ещё круче, чем на фото. Полумрак, разбитый лишь тёплыми лампами над столами и тем самым золотистым сиянием от барной стойки. *Та самая стойка*. Она была огромной, настоящим островом посреди этого человеческого моря. За ней метались две девушки и парень, их руки мелькали, как у фокусников, ловя бутылки, шейкеры, бокалы. Свет падал на полки с бутылками, и они переливались, как драгоценности.

Это было не рабочее место. Это была сцена.

Ко мне протиснулся парень лет тридцати, в простой белой футболке, с наушником в одном ухе и смартфоном в руке. Он выглядел как человек, который тушит десять пожаров одновременно.

— Яна? Я Артём. Спасибо, что примчалась. Вливаться будешь в огонь, — он без лишних слов сунул мне в руки чёрный фартук. — Правила просты: не тормозить, не паниковать, кассу освоишь по ходу дела. Сейчас основная задача – помогать Кате и Серёже, простые заказы, пиво, виски-кола. Покажешь класс – поговорим о сложных коктейлях. Попро-

сы?

Я повязала фартук, чувствуя, как знакомый азарт наполняет меня. Этот гул, эта суета, этот запах – это был мой мир.

— Вопрос один, — ухмыльнулась я, подходя к стойке. — Здесь есть хороший крепкий кофе? А то я, кажется, сегодня не выдержу на одном энтузиазме.

Артём коротко рассмеялся.

— После смены – за мой счёт. А теперь, новичок, за работу. Добро пожаловать в «Подземку».

Первые пятнадцать минут были хаотичным танцем с препятствиями. Я ловила на лету названия бутылок, которые Серёжа тыкал мне пальцем, запоминая, где стоят сиропы, соки и где лежат трубочки. Моя память, тренированная в «Молоте», работала на полную. Я не дергала коллег, а просто впитывала информацию, как губка, ловя их быстрые движения краем глаза.

Первый заказ – три пива и виски-кола. Проще некуда. Я справилась, отбивая такт музыки крышкой от пивной бутылки, прежде чем открыть её. Следующий – мохито. Уже интереснее. Я нашла мяту, лайм, сахарный сироп. Шейкер лежал там же, где и везде. Мои руки, казалось, сами помнили движения: быстрый бросок льда, точные наливов, энергичное, но не разбрызгивающее встряхивание. Я поставила высокий бокал с мятной прохладой перед парнем, который уже начал поглядывать на часы.

— Лови, – сказала я с лёгкой улыбкой. – Осторожно, хо-

лодное.

Он удивлённо поднял брови, потом кивнул: «Спасибо».
Первая маленькая победа.

С каждым новым заказом я чувствовала себя увереннее. Я уже не просто выполняла функцию, я начала управлять маленьким участком хаоса вокруг себя. Ко мне потянулись люди, видя, что у новой девушки быстрые руки и нет отстранённого высокомерия, как у некоторых барменов в пафосных местах.

— Девушка, мы тут уже десять минут ждём! – позвала меня пара, выглядевшая слегка раздражённой.

Я, не прекращая взбалтывать шейкер для «Космополитена» для другого заказа, бросила им через стойку:

— Вижу вас! Держусь из последних сил, чтобы не сбежать через чёрный ход. Ещё три минуты максимум – и ваш заказ будет самым вкусным за вечер, обещаю.

Девушка улыбнулась, а её парень рассмеялся. Напряжение спало.

Когда поток на моём участке немного стих, я увидела, что Катя, работавшая в другом конце стойки, просто зашивает-ся, пытаясь собрать несколько сложных коктейлей сразу. Я быстро приготовила два «Джин-тоника» и «Отвёртку», которые висели у неё в очереди, и переставила бокалы к её станции.

— Эй, – крикнула она, заметив это. – Спасибо!

— Не за что, – крикнула я в ответ. – Просто не дай этому

льду растаять.

Я продолжала шутить с гостями. Какой-то парень в очках заказал «что-нибудь покрепче, день был тяжёлый».

– «Что-нибудь покрепче» – это наше второе имя, – серьёзно сказала я, наливая ему хороший двойной виски. – Первое – «Подземка». Держите. Надеюсь, завтра будет легче, а то наш запас не безграничный.

Он фыркнул и оставил хорошие чаевые.

Постепенно я разгрузила свой сектор настолько, что смогла начать принимать заказы посложнее. Я ловила восхищённые взгляды, когда поджигала апельсиновую цедру для «Олд фэшн» или аккуратно нашлаивала разноцветные ликеры в бокале. Это был мой язык. Моя магия. И здесь, в этом шумном, душном подвале, среди незнакомых лиц, я чувствовала себя как дома больше, чем за все дни в стерильных коридорах универа.

Артём как-то раз проходил мимо, бросил взгляд на мою чистую, организованную часть стойки и на довольных гостей, и одобрительно хлопнул меня по плечу.

— Не зря рискнул, – бросил он и растворился в толпе.

Я вытерла лоб тыльной стороной ладони и ухмыльнулась. Адский завал? Ерунда. Это была просто ещё одна пятница.

И, чёрт возьми, какая же она была прекрасная.

Глава 9.

К двум часам ночи первая, самая бешеная волна гостей схлынула. Народу стало меньше, заказы уже не сыпались как из рога изобилия, а приходили размеренно, давая передохнуть. Я, наконец, перевела дух, облокотившись на стойку на секунду, и почувствовала, как дрожат от напряжения руки и ноет спина. Адреналин потихоньку отступал, оставляя приятную, заслуженную усталость.

Катя и Серёжа, теперь уже не метавшиеся как угорелые, перебрались ко мне, чтобы перекусить и выпить воды.

— Яна, ты огонь! — Катя хлопнула меня по плечу. — Я думала, новичок сгорит в такую нагрузку, а ты как будто тут всю жизнь проработала.

— В какой-то мере и проработала, — улыбнулась я. — Только бар назывался «Молот».

— Ну, это респект, — кивнул Серёжа. — Видно, что рука набита.

Мы болтали ещё минут десять, и я наконец-то расслабилась, чувствуя, что меня приняли в свою касту. Вдруг к нам подошёл Артём. В его руках было три кружки, от которых валил божественный пар.

— Держите, бойцы, — сказал он, расставляя их перед нами. — Без этого никуда.

Я с благодарностью взяла свою. Аромат был настолько на-

сыщенным и глубоким, что даже через усталость и запахи бара я почувствовала, как просыпаюсь. Первый глоток был откровением. Это было не то кислотное пойло, что льют в университетском буфете, и не растворимая дрянь. Это был качественный, правильно заваренный кофе, с шоколадными и ореховыми нотами. Он согрел изнутри и прочистил голову.

— Боже, это же нектар, — выдохнула я, закрывая на секунду глаза.

— Наш секретный запас, — подмигнул Артём, присаживаясь на высокий стул по ту сторону стойки. — Для избранных. То есть для тех, кто не спалил нам «лицо» в первый же час работы.

Он откинул прядь медно-каштановых волос, и я впервые разглядела его как следует. Симпатичный? Скорее, чертовски привлекательный. У него были аристократичные, чёткие черты лица: высокий лоб, прямой, точеный нос и... очень пухлые, выразительные губы, которые сейчас растянулись в улыбке.

Таких обычно снимают для обложек глянцевого журналов про «успешных молодых предпринимателей». Но вместо костюма на нём была простая футболка, на правом предплечье — стильное геометрическое тату, а во взгляде читалась не наигранная, а самая что ни на есть настоящая мятежная искорка.

— Ну что, Яна, — начал он, делая глоток из своей кружки. — Первый бой приняла. Ощущения?

— Как после хорошей драки, — честно ответила я. — Все болит, но ты доволен, потому что победил.

— Ты не победила, ты разгромила, — поправил он. — Я наблюдал. Ты не просто напитки разливала. Ты людей развлекала. Они у стойки не нервничали, а смеялись. Это дорогого стоит. Ты для нас находка. И как же вовремя ты появилась.

От таких слов стало на удивление приятно.

— Ну, вы тоже молодцы. Позвали первую попавшуюся девушку с улицы в адский завал.

— Интуиция, — парировал он. — И твоё резюме. «Молот» — это серьёзная заявка. Кстати, о деньгах. — Он достал из кармана джинсов пачку купюр. — Это твои чаевые за сегодня. Мы их не сдаём в общак, каждый заработанное забирает себе. И плюс к этому, я сегодня же переведу тебе на карту оплату за пробную смену. Как за полную.

Я взяла деньги, стараясь не показывать своего удивления. Пачка была довольно толстой.

— Спасибо, — сказала я, пряча купюры в карман фартука. — Честно, не ожидала такого гостеприимства.

— Мы тут все строим одно дело, — пожал он плечами. — И я ценю тех, кто выкладывается. Особенно таких симпатичных и быстрых барменш, — его взгляд стал чуть более заинтересованным, чуть более личным. В его тоне появились лёгкие, ненавязчивые нотки флирта.

— И как же так вышло, что ты, с такими-то данными, —

я кивнула в его сторону, — не в модельном бизнесе, а в баре околачиваешься?

Артём усмехнулся.

— Модельный бизнес — это скучно. А тут... — он оглядел зал, где гости неспешно допивали свои коктейли, а музыка стала тише и глубже, — тут жизнь. Тут драйв. Я не просто управляющий, я совладелец «Подземки». Мог бы, конечно, сидеть дома и получать дивиденды, но мне нравится тут тусить. Контролировать процессы, участвовать. Вкладываюсь во всё — в ремонт, в музыку, в подбор персонала, в выбор кофе, — он поднял свою кружку. — Это моё детище.

В его глазах горел настоящий огонь. Не жадность, не желание просто заработать, а страсть. И это мне в нём понравилось больше всего. Я всегда уважала людей, которые занимались тем, что им действительно нравится, и вкладывались в это на всю катушку.

— Понятно, — кивнула я, смотря на него с новым интересом. — Значит, ты не только красивый, но и с мозгами. Редкое сочетание.

Его глаза блеснули откровенным интересом. Лёгкий, непринужденный флирт витал в воздухе, как аромат кофе.

— А ты не только быстрая, но и дерзкая. Мне нравится. Так что, завтра жду. И, Яна, — он наклонился чуть ближе, понизив голос, — если что-то не устроит, какие-то гости, какие-то проблемы — сразу ко мне. Я ценю своих людей, а разборки люблю больше, чем подсчёт прибыли.

— О, я и сама мастер по разборкам, — парировала я. — Но спасибо. Страховка пригодится.

Мы допили кофе под болтовню Кати и Серёжи, которые делились самыми дурацкими заказами за вечер. Я смотрела на этот почти опустевший зал, на сияющую медную стойку, на Артёма с его медными волосами и чувствовала...

Спокойствие. Это было моё место. Моё решение было верным. Здесь, среди запаха кофе, алкоголя и потёртого кирпича, я снова стала сама собой. И, кажется, этой версии меня здесь были рады.

Глава 10.

Выходные пролетели на одном драйве. Новые знакомства, любимая работа, ощущение, что ты на своём месте – всё это заряжало лучше любого энергетика. Я влилась в коллектив «Подземки» так быстро, что к концу субботней смены мы с Катей и Серёжей уже болтали, как старые друзья. Но главной точкой притяжения в этом водовороте стал, конечно, Артём.

После особенно загруженной субботней смены, когда ныли спина и руки, а в ушах стоял оглушительный гул, он, как всегда, оказался рядом с тремя кружками дымящегося кофе.

— Ну что, герои труда, — его голос прозвучал приглушённо и тепло в почти опустевшем зале. — Подводим итоги?

— Итог один, — выдохнула я, с наслаждением делая первый глоток. — Я, кажется, никогда в жизни не пила кофе вкуснее. Ты точно не колдуешь?

Артём усмехнулся, присаживаясь на барный стул рядом.

— Секрет в зёрнах и в бариста, который влюблён в свое дело. Почти как ты сегодня в свои коктейли. Я смотрел, как ты работаешь с «Королевским сауэром» для того столика у окна. Это было... с душой.

Я почувствовала, как от его слов по спине пробежали приятные мурашки.

— Не ожидала, что владелец заведения так внимательно следит за новенькой барменшей, — парировала я, пряча

улыбку в кружку.

— Совладелец, — поправил он. — И я слежу не за барменшей, а за человеком, который вносит в это место какую-то новую энергию. Острую. С перчинкой. Как раз такую, какой не хватало.

Его взгляд был прямым и заинтересованным, но без тени наглости. Он не пялился на мою грудь или губы, он смотрел мне в глаза. И в этом было что-то невероятно притягательное.

— Ну, знаешь ли, с перчинкой у меня всегда полный порядок, — не удержалась я от колкости. — Могу и переперчить, если попросишь.

Он рассмеялся, и от этого смеха стало по-домашнему уютно.

— Пока всё в идеальной пропорции. Кстати, насчёт воскресенья... Ты не передумала насчёт графика? Потому что я уже не представляю эту стойку без тебя.

— Кажется, ты просто не хочешь искать другого раба на замену, — пошутила я.

— Нет, — его ответ прозвучал вдруг серьезно. Он отпил кофе, его медные волосы упали на лоб. — Просто с тобой здесь... становится правильнее. Как будто недостающий пазл нашёлся.

От таких слов у меня внутри что-то ёкнуло. Его интерес был настолько искренним и ненавязчивым, что рушил все мои защитные барьеры. Он не пытался продавить, подмять

под себя или строить из себя крутого парня.

За всё это я мысленно выставляла ему огромные жирные плюсы в невидимый рейтинг. Даже если это ни к чему не приведёт, такой бонус делал мою новую работу ещё приятнее.

Наступили учебные будни. Мы сидели с Лизой, Ваней, Сергеем и Степой на старой чугунной лавочке в парке при универе, и я с энтузиазмом рассказывала им про «Подземку», как в кармане завибрировал телефон. Незнакомый номер. Я сбросила. Через десять секунд – снова. И ещё.

— Что, поклонник объявился? — подмигнул Ваня.

— Хрен его знает, — проворчала я, отключая звук.

Но звонки шли один за другим. А потом пришла смс. Грубая, откровенная, с предложением, от которого стало противно. Я нахмурилась. Ещё одна. И ещё. Все с разных номеров, все в одном духе.

— Что случилось? — спросила Лиза, увидев мое лицо.

— Да какая-то хрень, — буркнула я, пытаюсь сохранять самообладание. — Мужики какие-то названивают, пошлости и мерзости пишут.

В этот момент к нашей лавочке, как по заказу, подошла Алла со своей свитой. На её лице цвела самодовольная улыбка.

— О, Яна! — слащаво начала она. — Неужели твои провинциальные кавалеры соскучились? Или... — она сделала драматическую паузу, наслаждаясь моментом, — может, ты

уже успела оставить свой номер на каких-то сомнительных сайтах? Для... дополнительного заработка, так сказать?

До меня дошло. Это была её работа. Она раздобыла мой номер и выставила его везде, где тусуются мужики, ищущие «дешёвых развлечений». Жар бешенства ударил мне в голову, но я вдохнула поглубже и постаралась держать лицо. Номер сменить – не проблема. А вот дать ей понять, что она меня задела – большая.

Я медленно подняла на неё взгляд, на лице – маска холодного любопытства.

— Знаешь, Алла, мне даже интересно стало. А откуда у тебя такая осведомлённость в этих... специфических сайтах? — я сделала небольшое театральное удивление. — Видимо, частая там гостя? Или, может, у тебя там свой профиль? Ну, знаешь, для поддержания статуса «богини», так сказать. Всегда полезно знать конкурентов в лицо.

Её улыбка сползла с лица, словно её стерли растворителем. Глаза стали узкими, ледяными щелочками.

— Ты совсем обнаглела, провинциальная шлюха, — прошипела она так, чтобы слышали только мы.

— Ой, а у тебя и лексикончик-то подходящий, — парировала я, всё так же спокойно. — Прямо как в тех смс-ках. Видимо, практика.

Алла резко выпрямилась, её лицо исказила гримаса злобы.

— Это только начало, — бросила она едко. — Наслаждай-

ся вниманием. Продолжение следует.

Она развернулась и, отшвырнув ногой камень на дорожке, гордо удалилась со своей свитой.

— Вот же мразота, — выдохнула Лиза, когда они отошли.

— Номер срочно меняй, — практически посоветовал Сергей.

— Да, — кивнула я, глядя на список пропущенных вызовов. — Но сначала зайду в деканат, скажу, что потеряла старую симку. Пусть обновят контакты в базе, только так, чтобы эта стерва не добралась до нового номера через универ.

Внутри всё кипело от ярости, но на поверхности я оставалась спокойной. Алла думала, что может меня унижить такими дешёвыми трюками. Но она не знала, что я выросла в месте, где удары были куда больнее, а пакости — изощрённее.

Сменить номер — это ерунда. А вот выяснить, как ударить Аллу там, где ей по-настоящему больно... Это уже было интересной задачей. Война была объявлена. Что ж, я всегда была хорошим солдатом.

Глава 11.

Ближе к выходным я снова засела в библиотеке. Нужно было доделать проект по стратегическому маркетингу, восполнить пару пробелов и спокойно уйти на смены с чистой совестью. Я забралась в самую дальнюю, тихую часть зала, где пахло старым переплётом и пылью, разложила учебники, ноут и погрузилась в изучение сложных моделей продвижения.

Я так увлеклась, разбирая хитросплетения воронки продаж, что не сразу заметила тень, упавшую на мои бумаги. Только когда соседний стул с противным скрипом отъехал, я оторвалась от экрана.

И, конечно же, опять он.

Марат Воронов развалился на стуле, как будто это был его личный диван в гримёрке. Весь в чёрном, с наушниками на шее и с той же наглой, самоуверенной ухмылкой.

— Ты как книжная патентованная мышь, — проворчала я, устало закатывая глаза. — Опять прячешься? Или у тебя тут тайная любовь с библиотекарейшей? Только предупреждаю, она предпочитает страстных шейхов.

Его ухмылка стала только шире.

— А ты совсем не соскучилась, я смотрю. Приятно, что держишь марку.

— Марку чего? Моего к тебе устойчивого иммунитета? —

я щёлкнула ручкой и вернулась к своим схемам, демонстративно игнорируя его. — Ты как пискливый комар. Надоедливый, но в целом безвредный. И всегда знаешь, где найти жертву.

— Я просто чувствую, где пахнет чем-то интересным, — парировал он, не смущаясь. Марат скользнул взглядом по разбросанным передо мной листам. — Или ты думаешь, твои учебники пахнут особенно соблазнительно?

Я не ответила, пытаюсь сосредоточиться на цифрах. Но его присутствие было таким же навязчивым, как гудение того самого комара. Он пододвинулся ближе, его плечо почти касалось моего.

— Так, что это у нас тут? — он наклонился, чтобы посмотреть на мой ноутбук. — «Оптимизация маркетингового бюджета для стартапа в сфере эко-продукции»... Звучит смертельно скучно.

— Для тех, у кого в черепной коробке ничего, кроме аккордов да фанаток, возможно, — огрызнулась я, не глядя на него. — Так что не отвлекай.

Но он не унимался. Его взгляд скользил по тексту, и я с удивлением заметила, что он читает не просто так, а вникая. Его лицо из насмешливого стало сосредоточенным. Он дочитал до моего чернового решения и фыркнул.

— И это твой гениальный план? Вбухать половину бюджета в таргетированную рекламу для хипстеров, которые и так уже твои? — его голос прозвучал не насмешливо, а с непод-

дельным недоумением. — Это как играть для тех, кто уже купил билет на концерт.

Я резко повернула голову, готовая выдать ему колкость, но он перевёл на меня свой взгляд. В его тёмных глазах не было привычной насмешки. Была серьёзность и... вызов.

— Смотри, — он взял у меня из рук ручку. Его пальцы слегка коснулись моих, и по руке пробежала странная искра. — Твой стартап – не модный гастроном. У него миссия. Люди покупают не просто продукт, они покупают идею. Иди не в цифровую рекламу, а в партнёрки. Ищи не клиентов, а амбассадоров. Экоблогеров, не самых раскрученных, но с горящими глазами. Фермерские рынки, не для продаж, а для раздачи пробников и сбора контактов. Создай не рекламную кампанию, а движение. Тогда твои «хипстеры» не просто купят продукт, они станут твоими проповедниками. И это будет стоить тебе в три раза дешевле.

Он набросал на моём листке несколько стрелок, связав их в иную, куда более изящную и эффективную схему. И... чёрт возьми, он был прав. Абсолютно, на все сто процентов прав. Его решение было не просто верным, оно было гениальным в своей простоте и точности.

Я смотрела то на схему, то на него, не скрывая удивления. — Оказывается, в этой изысканно пустой голове есть что-то, кроме аккордов и мыслей о том, как затащить очередную дурочку в подсобку? — вырвалось у меня, но уже без прежней язвительности. Скорее с оттенком искреннего изумле-

ния.

Он откинулся на спинку стула, и его ухмылка вернулась, но на этот раз в ней читалось что-то вроде удовлетворения.

— Удивительно, да? Мир не делится на тех, кто умеет только играть на гитаре, и на тех, кто умеет только строить скучные отчёты. Некоторые умудряются и то, и другое. Правда, для последнего нужно иметь хоть немного воображения, а не тупо следовать учебнику.

Его слова задели меня за живое, но по другой причине. Он был прав и в этом. Я так старалась все сделать «по правилам», что забыла о креативе.

— Ну, раз уж ты такой гений, — сказала я, откладывая карандаш и глядя на него с новым интересом, — почему тогда прячешься здесь, а не строишь бизнес-империю?

Его ухмылка стала жёстче, в глазах промелькнула тень.

— Потому что бизнес-империи строят скучные люди в скучных костюмах. А я... — он сделал паузу, его взгляд скользнул по моим губам, а потом снова встретился с моим, — я предпочитаю создавать нечто более громкое и долговечное. Музыку. А лёгкие деньги и скучные кейсы я оставляю таким вот трудолюбивым студенткам.

В его тоне снова зазвучала привычная дерзость, но теперь я видела за ней не просто наглость. Я видела ум. Острый, быстрый, нестандартный. И это было... чертовски притягательно.

— Знаешь, Воронов, — сказала я, медленно собирая свои

листки с его пометками, — ты оказался куда интереснее, чем я думала. Жаль, что это скрыто под таким толстым слоем самовлюбленности и дешёвых провокаций.

— О, это не дешёвые провокации, — он наклонился ко мне так близко, что я снова почувствовала его запах. — Это эксклюзив. Только для избранных. И, кажется, ты как раз в их числе.

На этот раз я не стала отстраняться. Я выдержала его взгляд, чувствуя, как нарастает странное напряжение — смесь раздражения, любопытства и чего-то ещё, острого и запретного.

— Не обольщайся. Меня интересуют пока только твои мозги. Остальное... — я сделала небольшую паузу, наслаждаясь моментом, — на стадии изучения. И поверь, я очень придирчивый исследователь.

Я стала складывать учебники в рюкзак, давая ему понять, что разговор окончен. Но он, конечно, не сдавался.

— Раз уж я спас твой проект от неминуемого провала, — его голос прозвучал прямо у меня за спиной, — самое меньшее, что ты можешь сделать — это сходить выпить со мной кофе. В знак благодарности.

Я повернулась к нему, уже полностью собравшись. На моём лице играла лёгкая, снисходительная улыбка.

— Кофе? — я сделала вид, что задумалась. — Ну, знаешь... У меня довольно высокие стандарты. И твой текущий рейтинг, если честно, пока не дотягивает до уровня, на кото-

ром я трачу своё свободное время на совместные посиделки.

Его брови поползли вверх. Кажется, его впервые в жизни так отшили.

— Рейтинг? — он фыркнул, но в его глазах вспыхнул азарт. — И что же мне нужно сделать, чтобы его повысить? Спасти еще пару-тройку твоих проектов?

— О, нет, — я закинула рюкзак на плечо, глядя на него с вызовом. — Один бесплатный консалтинг уже учтён. Но для выхода на уровень «кофе» тебе придётся проявить куда больше изобретательности. И оригинальности. А пока... — я пожала плечами, разворачиваясь к выходу, — твои баллы где-то в районе «надоедливый, но иногда полезный комар». Попробуй как-нибудь в другой раз. Если придумаешь что-то действительно стоящее.

Я сделала несколько шагов, чувствуя его взгляд на своей спине. Он молчал, и эта тишина была красноречивее любых слов. Я почти дошла до поворота между стеллажами, когда его голос, низкий и уверенный, догнал меня:

— Я всегда был хорош в решении сложных задач.

Я обернулась, чтобы бросить ему последний взгляд. Он всё так же сидел, откинувшись на стуле, но его поза теперь выражала не расслабленность, а сфокусированную энергию.

Как хищник, уловивший интересный след.

— Рада за тебя, — парировала я. — Удачи. Тебе понадобится тонна креатива, чтобы выбраться из ямы «писклявого комара».

— О, Яна, — его губы растянулись в медленной, многообещающей ухмылке. — Ты даже не представляешь, насколько я креативен, когда мне бросают вызов.

На этот раз я уже не сдерживала улыбку, выходя из библиотеки.

Война с Аллой была одним делом — грязным и неприятным.

А эта... эта странная, колючая игра с Маратом Вороновым, где каждый ход был парированием, а каждое слово — выпадом, становилась самым захватывающим дуэтом в моей жизни. И да, он все ещё был невыносимым зазнайкой. Но сегодня я увидела часть того, что он прячет за своими «кулисами».

Глава 12.

Пятница в «Подземке» была не просто днём недели. Это было явление, стихия, живой организм, который требовал полной самоотдачи. Сегодня этот организм бушевал с особой силой. Гул голосов сливался с мощными басами в единый рокот, а воздух был густым коктейлем из парфюма, пота, хмеля и цитрусовой цедры.

Я парила за стойкой. Мои руки двигались автоматически: ловили бутылки, взвешивали в шейкере лёд, счищали длинной спиралью цедру с апельсина. Развлекая гостей, я жонглировала двумя запотевшими стаканами, подбрасывая их так, что они переворачивались в воздухе и с глухим стуком приземлялись на барную полку, не пролив ни капли. Толпа у стойки одобрительно гудела. Это был мой театр, моя сцена, и я была в своей стихии – адреналин заменял мне сон, а удовлетворение от хорошо сделанной работы грело изнутри.

— Джин-тоник, два пива, «Космополитен» и... что-нибудь на усмотрение барменши, — звучали очередные заказы, едва различимый в общем гуле.

Я, не поворачиваясь, кивнула, уже мысленно комбинируя вкусы для импровизации. Но что-то в этом голосе... Низкий тембр, особая, чуть ленивая интонация... Мозг сработал быстрее сознания. Я застыла на полсекунды с бутылкой джина в руке, потом медленно, не веря собственным ушам,

обернулась.

И всё.

Весь шум, весь гул, вся энергия пятницы схлопнулась в одну точку. В точку, где у барной стойки, развалившись на табурете, как на троне, сидел Он.

Марат Воронов.

Весь в чёрном, его карие глаза, почти чёрные в полумраке бара, смотрели на меня с тем самым хищным, самодовольным интересом, который сводил меня с ума.

Как, чёрт возьми, он меня нашёл? — пронеслось в голове раскатом грома.

Это ведь не его тусовка! Здесь пахнет настоящей работой, а не дешёвым пафосом и поклонницами. Или он везде, как та самая книжная мышь, способная просочиться в любую щель?

Внутри всё закипело. Злость, острая и ядовитая, ударила в виски. Рука сама сжалась вокруг горлышка бутылки «Биттерс» с таким расчётливым желанием запустить ею в его наглую, слишком красивую физиономию, что костяшки пальцев побелели. Но тут же сработал другой, более глубокий инстинкт – профессионализм. Я не та девчонка, которая испортит смену и репутацию заведения из-за личных разборок. Особенно при таком аншлаге.

Я выдохнула, поставила бутылку на место и, не сводя с него холодного взгляда, коротко кивнула.

— Хорошо. Ваш спецзаказ будет готов через пять минут.

Я развернулась к стойке спиной, чувствуя его взгляд, будто раскалённое железо на своей коже.

«Что ему сделать? — лихорадочно думала я, хватая шейкер. — Что-то, что он заслуживает».

И тут идея ударила сама собой. Идеальная. Яростная и горькая, как он сам.

Я работала быстро, почти яростно. В стопку для подогрева я налила меру хорошей, выдержанной текилы «Reposado». Пока она грелась, я взяла бокал «олд фэшн», положила на дно кусочек сахара, пропитал его ароматными биттерами «Angostura». Не стала давить — пусть горечь останется цельной, нерастворённой.

Добавила крупный кусок прозрачного льда, который захрустел, едва коснувшись дна. Затем плеснула в бокал ледяной вермут «Carpano Antica Formula» — сладкий, но с горьковатым послевкусием.

И финал: я подожгла текилу, синее пламя заплясало над стопкой, и я аккуратно перелила её в бокал через ситечко. Алкоголь вспыхнул на секунду, шипя, и погас, оставив после себя дымный, обжигающий аромат. Сверху — длинная, тонкая полоска апельсиновой цедры, которую я с силой согнула над бокалом, чтобы брызнули эфирные масла.

Я поставила бокал перед ним. Напиток был тёмным, почти чёрным, с золотистыми переливами, с кусочком нерастворённого горького сахара на дне и дымком, что ещё витал над поверхностью.

— «Шипы», — отрезала я, глядя ему прямо в глаза. — На десерт. Как раз для тебя.

Марат медленно, не отрывая от меня взгляда, поднял бокал. Его пальцы обхватили его так, будто это была не посуда, а продолжение его собственной дерзости. Он сделал небольшой глоток. Его брови поползли вверх от удивления. Он попробовал ещё раз, уже внимательнее, чтобы прочувствовать все ноты.

— Никогда такое не пил, — признался он, и в его голосе прозвучало неподдельное, почти уважительное изумление. — Горько. Дымно. И... с характером. Прямо как ты.

— О, это просто коктейль, — парировала я, уже отходя от него к другому заказу. — Не приписывай ему лишнего. Хотя, для человека, чей вкус, вероятно, ограничивается дешёвым пивом и вниманием фанаток, это и правда может показаться откровением.

Он рассмеялся, низко и искренне, и этот смех резанул по нервам острее, чем любая насмешка.

— Твои шпильки – это отдельный вид искусства. Я бы послушал целый альбом.

Я не ответила, сосредоточившись на заказе для пары влюбленных. Но я чувствовала его. Он не уходил. Он сидел, потягивал «Шипы» и... наблюдал. Его взгляд был тяжёлым, физически ощутимым.

Он следил за каждым моим движением: как я взбиваю крем, как отмеряю сироп, как шучу с подгулявшим менедже-

ром средних лет. Этот взгляд был настолько пристальным, настолько обжигающим, что мне приходилось сознательно отключаться, чтобы не сбиться с ритма. Я делала вид, что его не замечаю, что он — просто ещё один предмет интерьера, но спина горела от напряжения.

Шло время. Народ потихоньку рассосался, волна схлынула, оставив после себя уставших, но довольных гостей и бар, заваленный грязной посудой. И вот, как по расписанию, из-за угла появился Артём с тремя кружками дымящегося кофе. Его появление всегда было глотком свежего воздуха, моментом заслуженной передышки.

— Героине труда, — улыбнулся он, ставя кружку передо мной. Его взгляд был тёплым, открытым. — Сегодня ты была просто богиней хаоса. На тебя было невозможно смотреть без восхищения.

Обычно я бы парировала шуткой, позволила бы этому лёгкому, приятному флирту согреть меня после тяжёлой смены. Но сейчас...

Сейчас я чувствовала на себе взгляд Марата. Он всё ещё сидел там, в своём углу, допивая свой коктейль, и его присутствие висело между мной и Артёмом невидимой, но плотной стеной. Я не могла.

— Спасибо, — сказала я слишком быстро и слишком сухо, взяв свою кружку. Я не встретила с ним глазами, а бросила быстрый, почти украдкой взгляд через его плечо — туда, где сидел Марат.

Артём, чуткий, как и любой хороший управляющий, мгновенно уловил скованность. Его улыбка не исчезла, но стала более настороженной. Он наклонился ко мне, понизив голос так, чтобы слышала только я.

— Яна, всё в порядке? — его взгляд скользнул в сторону Марата и вернулся ко мне. — Этот парень... он тебе мешает? Неприятности?

«Да, — кричало внутри меня. — Мешает. Он — ходячая, дышащая неприятность, которая вскрывает все мои защиты одним лишь взглядом».

Но выдать это Артёму... это было бы признанием слабости. Признанием того, что этот тип может на меня влиять.

— Нет-нет, всё нормально, — выдавила я, заставляя себя наконец посмотреть на него. Натянута улыбка вышла кривой и неубедительной. — Просто устала. А... этот гость просто заказал коктейль. Всё окей.

Артём смотрел на меня несколько секунд, его умные глаза изучали моё лицо. Он явно не купился. Но он не был тем, кто давит.

— Ладно, — мягко сказал он, выпрямляясь. — Если что — я рядом. Всегда.

Он кивнул мне и отошёл к Кате и Серёже, но я чувствовала, что он ещё пару раз бросил на меня беспокойный взгляд. А Марат... Марат всё сидел.

Он не тусил с друзьями, не клеил девчонок, хотя возможности у него были. Я, к своему собственному ужасу, считала.

К нему подходили. Раз двенадцать. И не только фанатки с горящими глазами, но и уверенные в себе девушки в дорогих нарядах, явно не из его круга. Он кого-то отшивал парой слов, с кем-то обменивался парой фраз, но его внимание всегда, неизменно, возвращалось ко мне.

Он чего-то ждал.

Но чего? Заказать ещё один коктейль? Устроить сцену? Или просто дожидаться момента, когда я останусь без защиты и он сможет снова затеять свою ядовитую, затягивающую игру?

Я допила свой кофе, чувствуя, как его горечь смешивается с горечью недоумения и раздражения внутри меня. Пространство между нами было заряжено молчаливым противостоянием.

Он – неподвижный, терпеливый хищник. Я – пытающаяся сохранить равновесие добыча, которая сама не понимала, почему пульс учащается, а руки слегка дрожат не от усталости.

Он нарушил не просто мой покой. Он вторгся на мою территорию, в мой мир, где всё было под моим контролем. И теперь этот контроль трещал по швам, и единственное, что мне оставалось, – это делать вид, что всё в порядке, пока он сидел там и ждал.

Просто ждал.

Глава 13.

В баре остались считанные посетители, музыка сменилась на тихую, меланхоличную электронику, и в этой внезапной полутемноте его голос прозвучал особенно чётко, будто удар хлыста по стеклу.

— Никогда не думал, что хаос может быть таким... упорядоченным, — произнёс Марат. Он не повышал голос, но каждое слово долетало до меня с пугающей ясностью. — Ты здесь как... дирижёр в эпицентре урагана. Все носятся, кричат, а ты одна стоишь и грациозно наводишь порядок взмахом шейкера. Завораживающее зрелище.

Я не обернулась, продолжая водить тряпкой по полированной меди, стараясь, чтобы рука не дрожала.

— А ты как будто гость из дешёвого психологического триллера, — парировала я, глядя на своё искажённое отражение в стойке. — Сидишь в углу, молчишь, пьёшь и постоянно смотришь. Надоедливое зрелище.

Он тихо рассмеялся.

— Вижу, моя оценка твоих талантов снова пришлась не по вкусу. Ты предпочитаешь комплименты в стиле твоего управляющего? — он сделал небольшую, но ядовитую паузу. — «Богиня хаоса». Мило. И вообще, очень трогательно, как он о тебе заботится. Обычно, я слышал, бармены носят кофе начальству, а не наоборот. У вас тут «особые» отношения?

Внутри всё сжалось. Он уловил. Уловил малейшую фальшь в моём поведении с Артёмом и тут же вонзил крючок в самое уязвимое место. Я наконец повернулась к нему, опершись локтями о стойку. Усталость делала меня менее острой, но не менее опасной.

— А тебя это почему волнует, Воронов? — спросила я, поднимая на него уставшие, но все ещё колючие зелёные глаза. — Ревнуешь? Боишься, что твой «рейтинг» и без того ничтожный, теперь и вовсе уйдет в минус на фоне адекватного, взрослого мужчины, который умеет вести себя как человек, а не как избалованный ребёнок со сцены.

Его губы тронула тень улыбки. Ему нравилось. Клянусь, ему нравилось, что я «кусаюсь».

— Ой, кажется, задел за живое, — протянул он с притворным сочувствием. — Расслабься, я просто интересуюсь рабочими моментами. Вдруг имне пора кофе барменам начать носить? Для повышения... как его... рейтинга.

— Тебе, для начала, стоило бы научиться просто говорить «спасибо» за коктейль, а не строить из себя Шерлока Холмса, разгадывающего личную жизнь барменш, — огрызнулась я, но уже без прежнего огня.

Он был прав. Артём был «адекватным, взрослым женщиной». А этот... этот был чёрной дырой, которая притягивала против моей воли, нарушая все законы физики и здравого смысла.

Он отпил последний глоток «Шипов», поставил бокал с

тихим стуком.

— Знаешь, а эти «Шипы»... они оставляют след. Сначала обжигает, потом горчит, а под конец... оставляет после себя странное, дымное послевкусие, от которого хочется ещё. — Его взгляд скользнул по моим рукам, по лицу, задержался на глазах. — Прямо как некоторые раздражительные барменши.

Я чувствовала, как по щекам разливается предательский жар. Он не просто сидел и пялился. Он анализировал. Он составлял мнение. И это мнение, судя по всему, ему нравилось.

— Поздравляю, ты только что открыл для себя базовый принцип работы сложных вкусов, — сказала я, отводя взгляд и начиная мыть его бокал с преувеличенным тщанием. — Для большинства это не является откровением.

Он проигнорировал колкость, его внимание привлекла маленькая, изящная татуировка у меня на запястье — стилизованная молния, скрывающая шрам. Я всегда прикрывала её часами или длинным рукавом, но сегодня, в суматохе, забыла.

— Интересно, — произнес он задумчиво. — А это что за история? Шрам от взрыва шампанского? Или следствие драки с особо несговорчивой бутылкой текилы?

Его вопрос был не таким наглым, как обычно. В нём прозвучало искреннее любопытство. И это было опаснее любой провокации.

— Последствие падения с высоты собственного самолюбия, — буркнула я, спуская рукав. — Очень болезненно, не советую повторять.

Он снова рассмеялся, и на этот раз в его смехе было что-то тёплое, почти человеческое. Это сбивало с толку.

— Ладно, ладно, не буду давить. У каждого свои секреты. — Он откинулся на спинку стула, оглядывая почти пустой зал. — Но знаешь, что я понял сегодня? Кажется, у меня появилось любимое... место.

Моё сердце глухо и тяжело стукнуло где-то в районе горла. Я продолжала мыть бокал, не поднимая головы.

— Поздравляю. «Подземка» всегда рада новым постоянным гостям. Особенно тем, кто тихо сидит и много платит.

— О, я не планирую быть тихим, — парировал он, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. — И платить я тоже буду не всегда деньгами. Иногда — просто своим очаровательным обществом. Думаю, буду заходить каждые выходные. Смотреть, как ты наводишь свой грациозный хаос.

Взвять. Хочется просто взвять от бессилия, — пронеслось у меня в голове. Он не просто нашёл меня. Он объявил о своём намерении внедриться в мою жизнь. В единственное место, где у меня был хоть какой-то контроль.

— Надеюсь, тебя не смутит, что моё «очаровательное общество» будет ограничиваться областью за этой стойкой, — сказала я, наконец посмотрев на него. Я пыталась вложить в голос лёд, но получилась просто усталая раздражённость. —

И что заказы я буду принимать строго в рамках меню. Спецзаказы для особо наглых посетителей — раз в вечер.

Его ухмылка стала шире, торжествующей. Он встал, отодвинул стул. Его движения были плавными, полными кошачьей грации.

— Это мы ещё посмотрим, — сказал он, подходя к стойке так близко, что я снова почувствовала его запах — теперь смешанный с дымом его коктейля.

Глава 14.

Я ждала очередной колкости, очередного выпада, но его выражение внезапно смягчилось. Хищная усмешка исчезла, уступив место... чему-то более серьёзному. Его взгляд скользнул по моим уставшим плечам, по тёмным кругам под глазами, которые я уже не могла скрыть.

— Ладно, королева, — его голос стал тише, почти обыденным, без привычной театральности. — Поздно уже. Как ты обычно добираешься домой?

Вопрос был настолько неожиданным и бытовым, что я на секунду опешила.

— Вызываю карету из тыквы, — автоматически отшутилась я, пожимая плечами. — Или, на худой конец, такси.

— Такси в такую погоду и в этом районе в это время — не лучшая идея, — заметил он, и в его тоне не было ни капли насмешки. Была простая, суровая констатация факта. — Собирайся, я тебя отвезу.

Это было уже слишком. Эта внезапная, ничем не обоснованная забота.

— О, спасибо за беспокойство, папочка, — я закатила глаза, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией с помощью сарказма. — Но я как-то справлялась и до твоего царского появления в моей жизни. И, если ты не заметил, ты сегодня пил. Так что, нет, спасибо.

Он усмехнулся, но на этот раз это был короткий, сухой звук.

— За весь вечер — один коктейль. Я не пьян, Яна. Я трезв, как судья перед вынесением приговора. И я совершенно серьёзен. — Он посмотрел на меня прямо, и в его тёмных глазах не было ни игры, ни двусмысленности. Только упрямая, непоколебимая решимость. — Ты устала. Ты выжата. И тащиться через полгорода в ночном такси после такой смены — последнее, что тебе нужно. Я отвезу тебя, и на этом точка.

Во мне снова закипело раздражение. Эта его манера — говорить так, будто всё уже решено. Но вместе с раздражением пробивалась и другая, предательская мысль: а ведь он прав. Мысль о том, чтобы трястись в душной машине с незнакомым водителем, вызывала физическое отвращение. Усталость накатывала такой тяжелой волной, что даже спорить было лень.

— И что, это твой новый способ повысить рейтинг? — слабо попыталась я сопротивляться. — Сыграть в рыцаря на блестящем... что там у тебя? Лексусе? Мерседесе?

— BMW M5, — поправил он без тени хвастовства. — И нет. Это не игра. Это простая логика и элементарная забота о... — он запнулся, подбирая слово, —... о человеке, который только что обеспечил мне самый интересный вечер за последние несколько месяцев. Пусть и исключительно своим присутствием за стойкой.

Это прозвучало так неожиданно искренне, что все мои

колкости застряли в горле. Он не говорил комплиментов. Он констатировал факт. И в этом была какая-то странная, грубая честность, которая обезоруживала сильнее любой лести.

Я вздохнула, сдаваясь. Усталость взяла верх над гордостью. Спорить с ним, когда все силы были потрачены на работу, казалось бессмысленным подвигом.

— Ладно, — выдохнула я, расстёгивая фартук. — Но только потому, что мне в самом деле лень спорить. И если ты хоть на метр свернешь не туда, я использую тот самый шейкер не для коктейля. Понятно?

Его губы дрогнули в лёгкой, почти невидимой улыбке.

— Понятно. Условия приняты. Собирайся. Я подожду у выхода.

Он отошёл, дав мне пространство. Я медленно, будто сквозь воду, сложила свои вещи в рюкзак, попрощалась с Катей и Серёжей, которые переглянулись с немым вопросом в глазах. Я лишь отрицательно мотнула головой — «не спрашивайте».

Выходя из-за стойки, я почувствовала, как подкашиваются ноги. Адреналин окончательно покинул тело, оставив после себя лишь свинцовую усталость. Марат ждал у двери, как и обещал. Он молча взял мой не самый лёгкий рюкзак с учебниками, не дав мне возможности возразить, и толкнул тяжёлую дверь.

Ночной воздух был прохладным и обжигающе чистым после душного бара. Он повёл меня к тёмному, мощному се-

дану, припаркованному в тени. Машина тихо пискнула, открывая замки.

— Садись, — сказал он, открывая передо мной пассажирскую дверь. — Гретсяя.

Я залезла внутрь. В салоне пахло дорогой кожей, свежестью и едва уловимыми нотами его парфюма. Было тепло и невероятно тихо. Он сел за руль, и машина плавно тронулась с места.

— Адрес, — коротко бросил он, не глядя на меня.

Я назвала улицу. Мы ехали в молчании. Я смотрела на мелькающие огни ночного города, чувствуя, как напряжение последних часов понемногу отпускает. Это молчание было не неловким, а... насыщенным.

Оно было заполнено невысказанными словами, взаимным изучением и странным, необъяснимым комфортом, который я испытывала, сидя рядом с этим человеком, который ещё час назад доводил меня до белого каления.

Машина бесшумно подкатила к моему дому. Марат заглушил двигатель, и в салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим шипением печки. Огни подъезда отбрасывали на его профиль резкие тени, делая его черты ещё более скульптурными и неуловимыми.

Некоторое время мы просто сидели, и это молчание было густым и сладким от невысказанного напряжения. Наконец, я потянулась к ручке двери.

— Ну, что ж... — начала я, глядя прямо перед собой. Ска-

зять «спасибо» этому нахалу было выше моих сил, но и промолчать, сделав вид, что так и надо, было уже подло. Я повернула голову в его сторону, всё ещё не решаясь встретиться взглядом. — Спасибо, что... довёз. Было... менее противно, чем я ожидала.

Я почувствовала, как он обернулся ко мне, даже не видя этого. Его взгляд был физически ошутим.

— Всегда рад разбивать твои худшие ожидания, — парировал он, и в его голосе снова зазвучала знакомая усмешка. — Стараюсь изо всех сил.

Вот, вернулся наглец. И почему-то стало легче. Я фыркнула и нажала на ручку, чтобы выйти. Дверь открылась, впустив внутрь порцию холодного ночного воздуха.

Я уже собиралась выскользнуть наружу, как его пальцы обхватили моё запястье. Не грубо, не чтобы удержать. Скорее, чтобы остановить. Прикосновение было быстрым и точным, его кожа оказалась на удивление тёплой.

Я замерла, полуобернувшись к нему, подняв бровь в вопросительной гримасе.

— Яна, — его голос прозвучал тихо, но весомо в ночной тишине. — Завтра работаешь?

Я закатила глаза с таким театральным презрением, на какое только была способна.

— А если скажу «нет», это что-то изменит? — я посмотрела на него прямо, и на моём лице играла усталая, но острая улыбка. — Ты всё равно придёшь, чтобы лично проверить,

не соврала ли я. У тебя же, я смотрю, мания контроля развилась на почве моего очаровательного общества.

Он рассмеялся. На этот раз громко и открыто, и этот звук, такой неожиданно искренний, отозвался во мне странным теплом.

— Чёрт возьми, Яна, — выдохнул он, наконец разжимая пальцы и отпуская мою руку. — Ты невыносима.

— Взаимно, — парировала я, вылезая из машины и захлопывая за собой дверь. Я перекинула рюкзак на плечо и, уже стоя на тротуаре, бросила ему через стекло: — Не заглохни по дороге, рок-звезда.

Я не стала ждать ответа, развернулась и пошла к подъезду, чувствуя его взгляд на своей спине.

— Спокойной ночи, Яна, — его голос догнал меня, мягкий и совсем без привычной насмешки.

Я не обернулась, только подняла руку в небрежном прощальном жесте. И не смогла сдержать улыбки. Широкая, глупая, неподконтрольная улыбка расплзалась по моему лицу, и скрыть её было невозможно.

Он был невыносим, нагл, самоуверен и чертовски опасен. И в этом безумном, хаотичном танце, в котором мы оказались, был свой, совершенно сумасшедший, кайф.

Глава 15.

Субботний вечер в «Подземке» был, как всегда, огненным. Музыка, гул голосов, звон бокалов — это мой мир. Руки сами помнили движения, но сегодня в этот отлаженный ритм вкрадывалась странная, навязчивая нота.

Я сама того не осознавая, ловила себя на том, что сканирую толпу, выискивая в ней высокую фигуру в чёрном, прислушиваясь к голосам в надежде услышать низкий, насмешливый тембр. И каждый раз, не находя его, чувствовала странное, колючее разочарование. Эта мысль — что я его жду — бесила меня сильнее всего.

«Чёрт, Яна, ты чего ждешь? Его насмешливого взгляда? Его провокаций?»

Ну а его тем временем всё не было, и от этого внутри скреблось странное, досадное разочарование.

От навязчивых мыслей меня отвлекло оживление у входа. В гуще этого вечера, сквозь толпу, ко мне пробиралась моя спасательная команда: Лиза, Ваня, Сергей, Стёпа, и, что стало уже привычным, Аня, которая всё прочнее вливалась в нашу компанию благодаря тихому, но явному роману со Степой. Я, улыбаясь, помахала им через стойку.

— Устраивайтесь! — крикнула я, уже начиная мысленно составлять для каждого коктейль. — Сейчас будет сюрприз!

Поймав минутную передышку, я быстро создала для каж-

дого по уникальному напитку, отражающему их характер, и подала.

— Бонус от бармена для своих, — сказала я, передавая бокалы. — На разогрев.

— Ты богиня! — Лиза с восхищением посмотрела на свой ярко-розовый коктейль. — Идеально подходит под мои волосы!

— Ты читаешь мысли? — восхищённо посмотрел Ваня на свой «Олд фэшн». — Я как раз хотел чего-то такого.

— Яна, тут нереально круто, — оглядываясь по сторонам, с уважением в голосе констатировал Сергей.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Устраивайтесь, я как освобожусь — подойду!

Ребята, видя, что у меня настоящий завал, не стали задерживать и ушли вглубь зала. Время от времени я бросала взгляд в их сторону, ловя довольные улыбки, и снова невольно сканировала толпу. Всё тщетно. Я с силой трянула головой, заставляя себя сосредоточиться на работе.

«Хватит. Его нет. И слава богу».

Когда основной наплыв схлынул, я, наконец, подошла к их столику, вытирая руки о барное полотенце.

— Ну как? — спросила я, с улыбкой глядя на их довольные лица.

— Серьезное место, — одобрительно кивнул Ваня. — И ты здесь, я смотрю, в своей стихии. Прямо как... что-то очень опасное и красивое в своей естественной среде обитания.

— Спасибо, что не сказал «как хищница в джунглях», — фыркнула я.

— Я бы сказал «как профессиональный гонщик на трассе», — вставил Степа. — Только вместо руля — шейкер. Выглядит впечатляюще.

— Да уж, не то что в нашей столовой, — добавил Серёжа. В этот момент к нашему столику подошел Артём. В его руках была кружка с тем самым кофе.

— Для нашей главной по хаосу, — сказал он просто.

Его взгляд был тёплым, но сегодня в нём не было прежней открытой игры, за что я была ему безмерно благодарна. Внезапно флирт с ним стал казаться... неправильным. Неискренним.

И виной всему был один чёртов Воронов, который даже не появился, но уже все испортил.

Я взяла кружку с благодарной, но немного усталой улыбкой.

— Спасаете мне жизнь. Спасибо, Артём.

— Всегда, — он мягко улыбнулся, но его взгляд был более собранным, чем обычно. Он поздоровался с моими друзьями. — Ребята, рад вас видеть. Чувствуйте себя как дома. Двери «Подземки» всегда открыты для друзей Яны.

Попросив меня на минутку отойти в сторону, он отошёл от столика под предлогом показать мне новую поставку сиропов. Когда мы оказались в относительном уединении у служебной двери, его выражение лица стало более серьёз-

ным, осторожным.

— Яна, насчёт вчерашнего... Катя узнала в том парне, который тебя ждал, Марата Воронова. Говорит, он сейчас на слуху. — Артём внимательно смотрел на меня, стараясь уловить мою реакцию. — Она даже хотела подойти за автографом, но постеснялась, видя, что он явно здесь ради тебя. Всё в порядке? Ничего... назойливого?

Мне стало немного неловко от его заботы, но в то же время приятно.

— Да всё нормально, Артём, спасибо. Он просто парень с учебы, — я пожалала плечами, стараясь говорить максимально легко. — Я даже не знала, кто он, когда мы познакомились. Да и до сих пор ни одной его песни не слышала, если честно. Так что, никакого трепета перед «звездой» не испытываю.

Артём изучающе посмотрел на меня, но, увидев, что я не напрягаюсь, позволил себе лёгкую улыбку.

— Ладно. Просто проверяю. Если он тебе хоть слово скажет лишнее, я с ним поговорю. Клиент он или нет. — В его голосе прозвучала неподдельная твёрдость.

— Спасибо, — я снова улыбнулась, на этот раз с искренней благодарностью. — Но я, вроде, сама могу за себя постоять. Пока что справляюсь.

— В этом я не сомневаюсь, — он кивнул, и его взгляд снова стал тёплым, но без прежнего подтекста. — Ладно, иди к друзьям. И просто знай — я рядом.

Он развернулся и ушёл, оставив меня с кружкой кофе и

смешанными чувствами.

С одной стороны — надёжный, адекватный, заботливый Артём.

С другой — наглый, непредсказуемый, невыносимый Марат, который даже своим отсутствием умудрялся вносить разлад в мою жизнь.

И самое дурацкое было то, что в этой тишине, в этом его отсутствии, было куда больше напряжения, чем в любых словах Артёма.

Глава 16.

Я ещё немного поболтала с ребятами, и они ушли за час до закрытия. Я уже смирилась с мыслью, что Воронов так и не явится, и, закончив все дела, с чувством странной пустоты вышла на улицу, открывая приложение такси.

И чуть не споткнулась, когда увидела его. Он стоял, облокотившись на свою темную BMW, прямо перед входом в бар. Смотрел куда-то в ночное небо, и в его позе, в опущенных плечах, читалась такая непривычная, почти человеческая усталость, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Что, — выдохнула я, подходя ближе и стараясь, чтобы голос звучал как обычно, — доходов от концертов рок-звезды не хватает? Пришлось подрабатывать в такси?

Но колкость вышла какая-то сдувающаяся, без привычного жала. Внутри что-то глупое и радостное встрепенулось от того, что он здесь. Что он всё-таки приехал.

Но показать ему это? Да ни за что на свете.

Он медленно перевёл на меня взгляд, и по его лицу скользнула знакомая ухмылка, но какая-то приглушённая.

— Ну, знаешь ли, у меня тут эксклюзивный контракт, — парировал он, отталкиваясь от машины и открывая передо мной пассажирскую дверь. — Только для одной раздражительной барменши с комплексом королевы.

Я фыркнула, пробираясь в салон. Машина тронулась, и несколько минут мы ехали в тишине. Он нарушил её первым, и в его голосе прозвучало что-то среднее между искренним недоумением и наигранной обидой.

— И что, даже не поинтересуешься, где я пропадал и почему осчастливил тебя своим присутствием только к закрытию? — спросил он с наигранно-оскорблённым видом.

— А зачем? — пожала я плечами, глядя на мелькающие огни. — Ревнивая жена не отпускала? Или график выступлений такой напряжённый?

— Жены нет. А график... был концерт. Два часа выкладывался на сцене, а потом ещё час улыбался спонсорам, которые жали руку и рассказывали, как их шестнадцатилетние дочери обожают нашу музыку. — Он провёл рукой по волосам, и в этом жесте было столько усталого раздражения, что стало почти жаль. Почти. — Убедился, что искусство — это когда тебя любят не за талант, а за возможность сфоткаться для соц. сетей.

— О, бедный, страдающий гений, — не удержалась я, но в голосе уже не было прежней едкости. — Тебя окружают фанатки с папиными деньгами. Ужасные условия. Надо срочно менять профессию, например, идти в бармены. Предупреждаю, конкуренция высокая.

Он коротко рассмеялся.

— Сомневаюсь, что кто-то сможет составить тебе конкуренцию. В этом баре ты — главная достопримечательность.

Гораздо интереснее, чем любой концерт.

— Потому что я единственная, кто не просит автограф на груди?

— Потому что ты единственная, кто может заставить меня забыть, как кто-то кричал «женись на мне!» из третьего ряда, — парировал он, и в его глазах мелькнула искорка. — Это дорогого стоит.

Мы подъехали к смотровой площадке. Вид и правда был захватывающим.

— Ну? — он выключил двигатель. — Как тебе моё такси? Гораздо лучше, чем любое другое, правда?

— Смотря что считать критериями, — сделала я вид, что оцениваю. — Во-первых, маршрут. Я заказала поездку домой, а не на смотровую площадку. Хороший таксист не сворачивает в неизвестном направлении без спроса. Во-вторых, в обычном такси не приходится отбиваться от назойливого водителя, который считает себя богом рок-н-ролла. Минусы.

— Зато в обычном такси тебе не предложат круассаны из лучшей кондитерской в городе, — он достал термос и пакет. — Так что перевес на моей стороне.

Я открыла пакет. Пахло просто волшебю.

— Завтрак, — пояснил он. — И встреча рассвета. Если, конечно, не сбежишь, испугавшись моего божественного величия.

— Знаешь, после того как я видела тебя без футболки в подсобке, твоё величие как-то померкло, — фыркнула я, от-

ламывая кусочек круассана с сёмгой. Он таял во рту. — Хотя за круассаны спасибо. Они почти искупают твою невыносимость.

— «Почти» — это уже прогресс, — он налил кофе в крышку термоса и протянул мне. — Я доволен.

— Не зазнавайся. Моё мнение переменчиво, как погода в Москве.

— О, я это уже понял. Днём — шипы, вечером — лёгкая ирония, ночью — тайна. Надеюсь, однажды доберусь до стадии «объятия».

— Мечтать не вредно, — отпила я кофе. Он был идеальной крепости и температуры. — Почему именно это место? Прячешься от фанаток и здесь?

— Здесь я прячусь от себя того, — он облокотился на руль, глядя на огни. — Того, кто должен улыбаться, когда хочется зевать, и говорить умные вещи, когда в голове пустота. А здесь можно просто быть. Молчать. С тобой.

От этих слов стало на удивление тепло. Я смотрела на его профиль, освещённый неонам приборной панели, и видела в нём не звезду, а просто уставшего парня.

— А ты? — он повернулся ко мне. — Что чувствует королева хаоса, когда остаётся одна? После того, как затихает музыка и гаснет свет?

Вопрос застал врасплох. Я не ожидала такой... внимательности.

— Иногда кайфую от тишины, — сказала я, отломив ещё

кусочек круассана. — А иногда эта тишина начинает давить. Слишком громко становятся слышны все глупые мысли, которые я старательно заглушаю работой. Вроде мыслей о том, что я здесь чужая.

— Знаешь, я тебе открою страшную тайну, — он ухмыльнулся. — Все мы в какой-то степени чужаки. Просто некоторые лучше других научились это скрывать. Вот смотри, — он указал рукой на город. — Миллионы людей. И каждый притворяется, что у него есть ответы на все вопросы. А на самом деле все просто импровизируют. Как я на сцене. Только без гитары.

— Жаль, — улыбнулась я. — С гитарой ты, наверное, хоть что-то контролируешь.

— С гитарой — да. А вот с барменшами, которые сыпят колкостями вместо сахарной пудры, — полный провал.

— О, так значит, я твоё слабое место? — подняла я бровь.

— Не слабое, — поправил он, и его взгляд стал серьёзным. — Интересное.

Вдруг я почувствовала лёгкий озноб. Он заметил это мгновенно — этот человек словно видел всё — и, не говоря ни слова, вышел из машины. Достал с заднего сиденья плед, вернулся и накинул его на мои плечи. Движение было быстрым и деловым.

— Что это? — удивилась я. — Новая услуга в твоём такси? Плед за дополнительную плату?

— Нет, — он сел на своё место. — Это услуга «не дать за-

мерзнуть единственному человеку, с которым мне не скучно». Бесплатно.

Ведь он мог просто завести машину и включить печку, но словно он хотел именно этого. Более "живого" контакта и проявления заботы.

Мы просидели так до самого рассвета, болтая обо всём на свете.

Он рассказывал закулисные смешные истории с концертов, а я — самые нелепые заказы из «Молота».

Мы спорили о музыке, и я обнаружила, что он может говорить о ней часами, без пафоса, с настоящей страстью.

В какой-то момент мы замолчали, наблюдая, как первые лучи солнца разливают золото по крышам. Тишина между нами была уже не неловкой, а уютной, наполненной тем теплом, что осталось от разговоров. Но внутри у меня всё ещё что-то ёрзало — та самая глупая радость от его присутствия, которую так хотелось спрятать за очередной колкостью.

— Знаешь, что меня больше всего бесит? — неожиданно для себя я нарушила тишину. — Что ты, оказывается, можешь быть... нормальным. А не только невыносимым.

Он повернул голову, уголок его рта дрогнул.

— О, ужас. Это начало конца. Следующий шаг — признание, что я хоть чуть-чуть тебе нравлюсь.

— Не торопись, — я стянула плед плотнее, хотя озноба уже не было. — «Нормальный» — это не комплимент. Это как... констатация факта. Вроде «погода сегодня не дождли-

вая».

— Самый мой любимый вид фактов, — он усмехнулся. — А почему бесит-то? Ты ждала монстра, а получила парня с пледами и круассанами?

— Ждала очередную пошлую звезду, которая думает, что мир вращается вокруг него, — поправила я, глядя на свои руки, обернувшиеся вокруг чашки.

Он словно задумался, его пальцы постукивали по рулю.

— Именно так я себя и веду с остальными. Они ведь...этого и ждут от меня. Но вот ты... как диссонанс в слишком сладкой мелодии, — наконец сказал он. — Все вокруг улыбаются, кивают, говорят правильные слова. А ты — нет. Ты как честный, резкий аккорд, который выбивает из фальши. С тобой не нужно притворяться. Это... роскошь.

Я посмотрела на него. На его усталое, в предрассветных сумерках, лицо. На ту искренность, которую он уже не пытался прикрыть шуткой.

— И ты правда не притворяешься сейчас? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Он медленно покачал головой.

— Нет. Сейчас — нет. Сейчас я просто хочу сидеть здесь, с тобой, и слушать, как ты говоришь что-нибудь едкое про мой последний сингл.

— Он и правда был так себе. Хотя я его и не слышала... — не раздумывая, выпалила я, и мы оба рассмеялись. Смех наш сплелся воедино, лёгкий и свободный.

— Вот видишь, — он сказал, когда смех стих. — Никто больше так со мной не разговаривает. Все боятся задеть, обидеть. А ты... ты словно не боишься.

— Я много чего не боюсь, — пробормотала я, но мой голос потерял всю свою броню.

Он повернулся ко мне всем корпусом, откинувшись на дверцу. Пространство между нами в салоне вдруг стало очень маленьким, очень осязаемым.

Где-то внизу город окончательно проснулся, загудев двигателями. Но здесь, наверху, время будто замедлилось. Он не отводил взгляда, и в его глазах я наконец-то не увидела ни рок-звезды, ни того надменного хама с первых встреч. Я увидела того же уставшего одинокого человека, что и он, наверное, видел во мне. Два сапога пара.

— Яна, — произнёс он моё имя так, будто пробовал его на вкус. Без насмешки. Впервые.

— Что, Марат? — отозвалась я, и это тоже прозвучало по-новому. Без вызова.

Он улыбнулся — не ухмыльнулся, а именно улыбнулся, уголками глаз.

— Рассвет. Посмотри.

Я повернулась к лобовому стеклу. Солнце, ярко-оранжевое, уже вырвалось из-за горизонта, заливая город тёплым, живым светом. Оно разом прогнало и ночную синеву, и тени, и странное ощущение нереальности происходящего. Всё стало простым и ясным.

— Красиво, — прошептала я.

— Да, — согласился он, но я почувствовала, что он смотрит не на город, а на меня.

Я не стала оборачиваться. Позволила этому чувству — этому тихому, тёплому и пугающему пониманию — накрыть себя с головой.

Наша война закончилась?

Не было победителей и побеждённых. Было только это хрупкое, новое пространство между нами, освещённое утренним солнцем.

Глава 17.

Марат не дал мне опомниться.

Воскресенье прошло в нервном ожидании, из-за которого я сама перед собой стыдилась.

Что он сделает после этой ночи с круассанами и рассветом? Пришлёт сообщение? Появится под окном?

Но было тихо. Слишком тихо. И от этой тишины внутри всё сильнее сжималось в тугой, тревожный комок.

Под вечер зазвонил мой новый, недавно сменившийся после выходок Аллы, телефон. Неизвестный номер. Но я знала, кто это, ещё до того, как поднесла трубку к уху.

— Алло, — сказала я, и голос прозвучал неестественно ровно.

— Собирайся, — его голос, низкий и без всяких прелюдий, прозвучал прямо в ухо, будто он стоял рядом. — Через сорок минут я буду у твоего подъезда.

— Я что, вчера выглядела так, словно дала тебе карт-бланш на моё расписание? — попыталась я вернуть привычную колкость, но получилось слабо. Внутри всё уже обмякло и поддалось. — Я не буду создавать планы под твою диктовку.

— Это не диктат, — парировал он, и в его тоне не было насмешки. Была плоская, уставшая серьёзность. — Это приглашение. Ты хочешь понять, кто я, когда не пытаюсь быть

занозой в твоём боку? Увидишь. Сегодня. Это предложение действует только один раз.

Он играл грязно. Играл на том самом любопытстве, которое грызло меня изнутри с этой ночи. На том странном, тихом доверии, что повисло между нами на смотровой площадке. Он предлагал ответ. Ценой моего смирения.

— Я не люблю, когда мной командуют, — прошипела я в трубку. — Знаю, — ответил он, и я почти услышала, как дрогнул уголок его губ. — И всё равно звоню. Потому что иногда это единственный способ достучаться. Сорок минут, Яна. Не заставляй меня звонить снова. Или подниматься за тобой на этаж.

Он положил трубку, оставив меня наедине с гулом в ушах и дилеммой. Я проиграла. Ещё до начала битвы. Потому что он был прав. Я дико, до боли, хотела увидеть. Кто он там, на сцене и за кулисами своего сценического величия. Что стоит за этой маской циника и самоуверенного балагура, которая на рассвете вдруг дала трещину.

Ровно через тридцать девять минут я вышла из подъезда в своём зелёном худи, синих джинсах и кроссовках — моей привычной, удобной броне. Его чёрный автомобиль уже стоял у тротуара. Он вышел, открыл передо мной пассажирскую дверь, молча кивнув в знак приветствия.

Всю дорогу сначала царило тяжёлое молчание. Он не включал музыку. Его пальцы нервно постукивали по рулю, а взгляд был прикован к дороге с такой напряжённой концен-

трацией, будто он вёл нас по минному полю. Это нервное, почти болезненное напряжение, исходящее от него, было разительным.

— Что, твои фанатки наконец-то объявили бойкот, и ты решил развеять скуку с провинциальной диковинкой? — попробовала я проткнуть эту тишину старым, острым лезвием колкости. Но фраза вышла плоской, без привычного яда. Больше для галочки.

Он коротко, беззвучно выдохнул, похожий на смех, но без радости.

— Фанатки как раз требуют крови после вчерашнего отсутствия в соцсетях, — ответил он, не отрывая глаз от дороги. — А я... Я не развлекаюсь. Я показываю. Есть разница.

— Огромная, — парировала я, глядя в боковое окно. — В первом случае я могла бы просто сказать «нет» и уйти. Во втором... похоже, у меня уже нет выбора.

— Выбор есть всегда, — он на секунду перевёл на меня взгляд, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то сложное. — Ты могла не выйти из подъезда. Могла послать меня к чёрту по телефону. Но ты здесь. Значит, твой выбор уже сделан. Просто ты боишься в этом признаться.

Он снова попал в яблочко. Я отвернулась, чувствуя, как по щекам разливается предательский жар. Он был каким-то другим. Натянутым, как струна, и... уязвимым. И это сбивало все мои защитные настройки.

— Куда мы едем? — спросила я наконец, когда напряже-

ние стало совсем невыносимым.

— Покажу, — коротко бросил он, не отрывая взгляда от дороги.

— Очень информативно. Может, ещё и шифр дашь, чтобы я угадала?

— На концерт, — тяжело выдохнул он, словно делая над собой усилие. — Мой.

Это было настолько неожиданно, что я на секунду онемела.

— Зачем?

— Чтобы ты увидела, — он на мгновение перевёл на меня взгляд. В его глазах мелькнуло что-то хрупкое, почти беззащитное. — Увидела, кто я, когда на меня смотришь не ты. И кто я... когда смотрю в твою сторону.

От этих слов у меня внутри всё ёкнуло. Исчезла последняя злость, осталась только тревожная, щемящая тяжесть. Он не вёз меня на свидание-противостояние. Он вёл меня на свою территорию, чтобы... чтобы открыться. Чтобы дать ключ.

— Ты нервничаешь, — констатировала я, глядя, как его челюсть напрягается.

— Гениальное наблюдение, — он фыркнул, но в звуке не было насмешки. Была усталость. — Я всегда нервничаю. Просто... сегодня больше обычного.

Больше не было слов. Мы ехали в давящем молчании, которое уже не было неловким. Оно было насыщенным, пол-

ным невысказанного. Он нервничал из-за меня. Из-за того, что я увижу. А я... я боялась того, что увижу. И того, что почувствую.

Мы остановились у неприметного, похожего на бункер входа в промзоне. Он выключил двигатель и несколько секунд просто сидел, глядя в темноту за лобовым стеклом. Потом повернулся ко мне.

— Там будет громко. И людно. И, возможно, покажется... фальшиво. — Он говорил, глядя куда-то мимо моего плеча, как будто стесняясь прямого взгляда. — Но за всей этой мишурой... постарайся увидеть. Хорошо?

В его голосе звучала не просьба, а почти мольба. Та самая, что была в машине, когда он спрашивал про круассаны. И это обезоруживало сильнее любых приказов или колкостей. Он не командовал сейчас. Он просил. Впервые за всё наше знакомство — просил.

Я кивнула, не в силах выговорить ни слова. Он вышел, обошёл машину и открыл мою дверь.

Мы вошли.

Глава 18.

Мир за тяжёлой дверью оглушил меня. Не столько громкостью, сколько плотностью. Воздух был густым от запахов: краска, дерево, холодный металл, пыль и поднимающийся, как дрожжи, адреналин. Гул голосов, смех, резкие окрики, настройка инструментов — всё это сливалось в единый, живой гул.

Я застыла на пороге, чувствуя себя чужой на этом странном празднике. Его рука мягко легла мне на спину, протолкнув вперёд. Его тепло было неожиданным якорем в этом хаосе.

— Ну, — его голос прозвучал у самого уха, чтобы перекрыть шум. — Добро пожаловать в мой личный ад. Или рай. Зависит от дня недели.

Я фыркнула, оглядываясь по сторонам.

— Похоже на штаб-квартиру апокалипсиса, — огрызнулась я, оглядываясь. — Или на очень дорогую версию школьного гаража. Не уверена, что впечатлена.

Он тихо рассмеялся, и этот звук, такой искренний посреди всего этого хаоса, заставил моё сердце сделать глупый кульбит.

— Покажи мне хоть что-то, что может тебя впечатлить, и я это куплю, — парировал он, но в его тоне не было привычного бахвальства. Была... усталость. И что-то похожее

на надежду. — А пока — пойдём. Театр, как говорится, начинается с вешалки. А у нас он начинается вот с той толпы маньяков.

Он взял меня за руку. Его пальцы осторожно переплелись с моими. И я почувствовала то самое — лёгкую, едва уловимую дрожь в его кончиках пальцев. **Марат Воронов дрожал.** От этого открытия у меня внутри всё перевернулось, и я даже забыла, что нужно сопротивляться для приличия.

Он повёл меня за кулисы, и нас тут же атаковали. Девушка с ирокезом цвета баклажана и парень, похожий на готического эльфа в чёрной коже и с десятком серёг в ухе.

— Мара, солнце, ты выглядишь как заглавный герой в кульминации греческой трагедии, после того как узнал всю правду, — затараторила девушка, тут же запустив руки ему в волосы. — Кто тебя так? Не дыши. Чай ему, чёрт побери!

Марат попытался отмахнуться, но стилистка была неумолима.

— Лера, позже, — буркнул он, но девушка уже ловкоправляла непокорную прядь у его виска, её пальцы двигались быстро и профессионально.

— Никакого «позже»! У тебя через сорок минут выход! — Лера отступила на шаг, критически оглядывая его, и её взгляд, наконец, упал на меня. Он был острым, профессиональным, сканирующим — от макушки до кроссовок. — А это кто?

Я почувствовала, как под этим взглядом съёживаюсь.

Экспонат. Чужой артефакт, занесённый в священное пространство. Я выпрямила спину, подняв подбородок.

— Яна, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я чувствовала себя внутри.

— Новая бэк-вокалистка? Или сестра милосердия для твоего пошатнувшегося духа? — уточнила Лера, бровь ушла вверх.

Марат не ответил сразу. Он повернул голову и посмотрел на меня. Не быстрым взглядом, а долгим, изучающим. В его тёмных глазах плескалось что-то сложное: остатки нервного напряжения, тень усталости и... какая-то странная, тихая решимость.

Его рука, всё ещё держащая мою, не просто сжала её. Его большой палец провёл медленную, почти успокаивающую дугу по моей внутренней ладони. Этот скрытый от посторонних жест был таким интимным, таким неожиданно нежным, что у меня перехватило дыхание.

— Нет, — наконец произнёс он. Голос его был тихим, но чётким, он прозвучал как аккорд в наступившей внезапной тишине. Он сделал крошечную паузу, будто взвешивая следующее слово, и затем выдохнул: — **Это... моя Яна.**

Слова повисли в воздухе. *Моя Яна.* Не «девушка», не «подруга», не «знакомая».

Моя Яна.

Это было не заявление. Это было **признание**. Грубое, дерзкое, безо всяких намёков на вопросы или сомнения. И

произнесённое с такой простой, обезоруживающей серьёзностью, что у меня по спине побежали волны мурашек — сначала холодных от шока, а затем жгучих от чего-то смутного и запретного.

Я не успела даже моргнуть, как почувствовала, как по щекам разливается жар. Я посмотрела на него, широко раскрыв глаза, ища в его взгляде привычную насмешку, игру. Но её не было. Была только эта оголённая, пугающая своей прямой уверенность.

И тут я увидела реакцию Леры. Её брови, уже приподнятые, взлетели ещё выше, почти к линии ирокеза. Уголки её губ дрогнули, а затем растянулись в медленной, хитрой, до краёв наполненной пониманием улыбке. Её взгляд — теперь уже не оценивающий, а откровенно заинтересованный — метнулся от Марата ко мне и обратно. Она увидела его жест с рукой, заметила мою реакцию, услышала интонацию.

— О-хо-хо, — протянула она, и в её голосе зазвучали нотки чистого, неподдельного удовольствия от этого открытия. — «Моя Яна». Понятно-понятно. Значит, так. — Она сложила руки на груди, и её выражение из профессионально-озабоченного сменилось на почти матерински-умилённое (если такое вообще возможно для готической феи с фиолетовым ирокезом). — Ну что ж, «Его Яна», раз уж ты здесь, и раз уж он так тебя представил... мы не можем допустить, чтобы ты портила общую картину. Это уже вопрос репутации группы. Лёха!

Она обернулась к стилисту-эльфу, который уже сгорал от любопытства. В её глазах горел азарт охотника, нашедшего самую интересную дичь.

— Видишь это? — она кивнула в мою сторону. — Это наш новый... приоритетный проект. Сделай так, чтобы он, — она ткнула большим пальцем в Марата, который всё ещё смотрел на меня тем же невыносимо серьёзным взглядом, — когда увидит результат, вообще забыл, как дышать. Понял?

Лёха, получив такое ясное задание, просиял ещё ярче.

— Понял, шеф! — почти выкрикнул он и шагнул ко мне, потирая руки. — Детка, готовься к преображению. Для «его Яны» у меня припасено кое-что особенное.

А Марат в этот момент, наконец, оторвал от меня взгляд и встретился глазами с Лерой. Он ничего не сказал. Просто очень легко, почти незаметно, кивнул. И в этом кивке была благодарность. И разрешение.

— Десять минут, — сквозь зубы выдавила я, глядя Лёхе прямо в глаза. — И чтобы всё застёгивалось и расстёгивалось без посторонней помощи.

Эльф по имени Лёха просиял как ребёнок и увлёк меня в соседнюю гримёрку, а Марат крикнул мне вслед:

— Не слушай, если он начнёт предлагать татуировки!

Десять минут спустя я стояла перед зеркалом и не узнавала отражение. Вместо худы — обтягивающий чёрный топ на тонких завязках на шее, с длинными, струящимися, полупрозрачными рукавами из чёрного шифона, которые ше-

велились при каждом вздохе, как крылья ночной бабочки. Вместо джинсов — узкие, как вторая кожа, чёрные кожаные штаны.

Лицо... Золотистый смоки-айс, угольная подводка, тушь. Мои глаза, подчёркнутые золотом и тенью, казались огромными, ярко-зелёными, светящимися изнутри тем самым странным огнём, что витал в воздухе вокруг Марата.

— Шедевр, — прошептал Лёха, стоя сзади. — Он просто... с ума сойдёт.

Я не ответила. Сделала глубокий, дрожащий вдох и вышла.

Марат стоял, прислонившись к стойке с аппаратурой, и отпивал из бумажного стаканчика. Он увидел меня — и подавился. Чай брызнул ему на подбородок и серую майку. Он закашлялся, грубо вытирая лицо тыльной стороной ладони, но взгляд не отрывал. В его карих, почти чёрных глазах не осталось ничего от привычной насмешки или уверенности. Там было чистое, незащищённое потрясение. И что-то ещё... тёплое, почти нежное. И голодное. Такой смешанный взгляд, что мне стало трудно дышать.

Он медленно выпрямился, поставил стакан. Сделал шаг вперёд. Ещё один. Люди продолжали сновать вокруг нас, но для меня они растворились в фоновом шуме. Существовали только он, приближающийся ко мне, и я, застывшая на месте.

— Ну что? — я закинула голову, пытаюсь вернуть контроль через язвительность. Голос, к счастью, не дрогнул. —

Годится в массовку для вашего мрачного спектакля? Или в провинциальной выскочке всё ещё слишком много... провинциальности?

Марат остановился в сантиметре от меня. Так близко, что я видела мельчайшие прожилки в его радужке, тёмные ресницы, лёгкую тень щетины на щеках.

— Ты... — его голос сорвался на хрип. Он откашлялся, не отводя глаз. — Ты выглядишь так, будто всегда должна была быть здесь. Не как гость. — Он медленно поднял руку, и кончики его пальцев осторожно, едва касаясь, провели по струящемуся шифону моего рукава, от локтя к запястью. От этого прикосновения по моей коже побежали мурашки. — Как часть самой идеи. Как то, ради чего всё это в принципе затевалось.

Он говорил не про одежду. Марат смотрел мне прямо в глаза, и его слова были настолько серьёзны, настолько лишены привычного пафоса, что по спине пробежал холодок, смешанный с жаром.

— Перестань, — прошептала я, но в голосе не было силы. — Ты говоришь так, будто это... какое-то посвящение.

— А разве нет? — он наклонился чуть ближе, и его шёпот, тёплый и густой, обволок моё ухо. — Ты стоишь в самом центре моей кухни, Яна. Там, где пахнет гарью, потом и невыученными нотами. Видишь изнанку всего этого пафоса. И не убегаешь. Для меня это больше, чем ритуал. Это исповедь.

От его слов, от их обнажённой, почти болезненной честности, у меня перехватило дыхание. Вместо театрального «храма» — простая, страшная «кухня». Вместо ритуала — «исповедь». Он не просто показывал себя. Он сдавался. И в этом признании было что-то такое уязвимое и огромное, что я не смогла отвести взгляд. Он видел слишком много. Чувствовал слишком много. И теперь показывал мне ровно столько же.

— Прямо как живое воплощение того припева из «Тихого бунта», — с придыханием сказал Лёха, появившись сбоку. — Только без шипов. Пока что.

Марат не обернулся. Не отпустил моего взгляда.

— Лёх, иди помоги Гоше с кабелями, — сказал он ровно, но так, что стилист сразу смолк и ретировался.

Мы остались одни в маленьком пузыре тишины среди хаоса. Его рука всё ещё лежала на моём рукаве, его пальцы теперь мягко сжимали моё запястье.

— Боишься? — спросил он тихо.

— Твоего окружения? Стилистов-маньяков? — попыталась пошутить, но получилось слабо.

— Нет. Того, что происходит. Прямо сейчас. Между нами.

Я не смогла ответить. Я просто смотрела на него. И он видел ответ в моих глазах.

"Да. Боюсь. До ужаса." — подумала я.

Он медленно кивнул, как будто получил то, что хотел.

— Хорошо, — прошептал он. — Я тоже.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.